

*1150-летию Российской
государственности посвящается*

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать –
В Россию можно только верить.
Ф. Тютчев

По летящему веку

Сборник произведений псковских писателей

По летящему веку

Сборник произведений псковских писателей

Псков
2012 г.

По лестнице веков. Сборник произведений псковских писателей. Псков, 2012.

Составитель **Ирена Панченко**
Редактор **Александр Казаков**
Художник **Петерис Скайсткалнс**

ISBN 978-5-905507-18-2

© Авторский коллектив, 2012
© Панченко И. Я., идея, состав, 2012
© Скайсткалнс, оформление, 2012
© Молодёжный центр г. Пскова, 2012

Перелистывая страницы истории...

Начало нового, XXI, века в истории Псковского края богато памятными датами, определявшими в своё время не только его судьбу, но и имевшими громадное значение для становления всего нашего Отечества, для зарождения российской государственности. Достаточно вспомнить основные из них: 1100-летие первого упоминания Пскова в древнейшей русской летописи «Повести временных лет» (2003 г.), 500-летие присоединения Пскова к Москве (2010 г.).

Особенно богат такими датами нынешний, 2012 год: 770-летие со дня победы русского войска под руководством новгородского князя Александра Невского в битве с ливонскими крестоносцами у Вороньего камня на Чудском озере; 430 лет тому назад, в 1582 г., завершилась победой над войском польского короля Стефана Батория длительная героическая оборона Пскова. Это событие имело огромное значение для исхода всей Ливонской войны, которую вёл Иван Грозный за выход к Балтийскому морю. А.И. Карамзин в «Истории государства Российского» писал: «Псков или Шуйский спас Россию от величайшей опасности, и память сей важнейшей заслуги не изгладятся в нашей истории». С начала Отечественной войны 1812 года Псковская земля стала прифронтовым тылом действующей русской армии. Более 6 000 жителей губернии вступили в народное ополчение, в разных городах, в том числе и в Пскове, были развёрнуты прифронтовые госпитали. Псковская губерния не только снабжала русскую армию продовольствием, лошадьми, одеждой, но и закрыла путь вражескому войску в Петербург.

И в мирное время Псковская земля достойно исполняла и исполняет доныне своё предназначение – быть форпостом России на её западных рубежах. Не случайно города Псков и Великие Луки за заслуги перед Отечеством недавно были удостоены почётно-почетного статуса «Город воинской славы».

Совершенно очевидно, что богатая история края не может не волновать сердца творцов слова, кровно с нею связанных. И вполне закономерно, что в преддверии юбилейных событий 2012 года для псковских литераторов стало жизненно необходимым ещё раз соприкоснуться с нашей историей, осмыслить её далёкое прошлое и сегодняшний день. Произведения авторов сборника привлекают как личностным художественно-эмоциональным восприятием описываемых ими событий, оставивших заметный след в истории страны, так и размышлениями о её непростой судьбе на нынешнем этапе. Писатели всегда были выразителями дум и чаяний народа, они первыми подмечали те явления жизни, которые являются движителями в развитии общества или становятся тормозом на его пути.

Одна из главных, основополагающих функций литературы - духовно-нравственное развитие людей. Я надеюсь, новое издание псковских писателей будет способствовать выполнению этой важнейшей задачи. Особенно отраднo, что на страницах сборника достаточно уверенно звучат голоса молодых литераторов, а это даёт надежду на то, что традиции отечественной литературы, получившей мировое признание, будут развиваться и далее, а наш народ всё-таки вновь обретёт право называться самым читающим в мире.

*Павлов,
секретарь Общественной палаты Псковской области,
Заслуженный работник культуры Российской Федерации.
Почётный гражданин города Пскова*

ПСКОВ

Разбит овал, и город будет,
Росли валы и рылись рвы.
Сюда пришли с полудня люди –
На мыс Великой и Псковы

Они таскали брёвна в гору
В рассветный утренний туман.
И был основан этот город
Руками древних праславян

Великий в счастье и несчастье,
Через года, через века
Тот Псков, который неподвластен
Теченью времени пока.

А дальше было не начало:
Навстречу ветру и грозе
В него сходили по причалу
Дружины первые князей,

И рог ревел злачёный турий,
Отряды двигались, спеша,
Отсюда шёл к Изборску Трувор,
Отсюда Ольга в Киев шла.

И снова водная дорога
Её вела из дальних стран
Сюда. А с ней совсем немного
Их, самых первых христиан,

В тот день, когда громадой странной,
Одетый в золото и узор,

Над древней стенкой деревянной
Вставал бревенчатый собор.

И блики яркие бросали
От недоступной высоты
Окрест, в языческие дали,
Работы греческой кресты,

Где, их сияньем взор туманя,
Из близлежащих городов
Глядели идолы из камня
Окрестных кривичских родов.

Глазами ясными своими
Величьем храма поражён,
Смотрел на чудо князь Владимир,
Что был в Будутине рождён.

И света яркого всполохи
Ему упали на чело.
Близ Пскова, на реке Черёхе
Доныне есть его село.

Что ж, храм и крест ему не внове,
И Бог-Христос на небеси.
Их в детстве видел в граде Пскове
Креститель будущий Руси.

Ушли года, поблекли краски,
На реках нет былых бродов.
Для нас звучат далёкой сказкой
Начала русских городов.

Но Псков, святой и многоликий,
Живёт, по-прежнему спеша.
Летит над волнами Великой
Его бессмертная душа.

* * *

Идут на Руси за ворота
Встречать в чистом поле беду –
Ливонской тяжёлой пехоты
Железную поступь по льду.

И в грохоте, в лязге металла
Не видно ни глаз, ни лица.
И надо, во что б то ни стало,
Не дать им дойти до конца.

Чтоб не были снова и снова
На озере их корабли,
Горящими – улицы Пскова,
Горящими – сёла земли,

Погостом сожжённые доски,
От изб не осталось следа,
Всё уже и уже полоска
Апрельского талого льда.

Побить и загнать их в разводья
Давно наступила пора.
Передние кнехты подходят
Уже на размах топора...

* * *

Подражание А. Городницкому

Ранним утром город спит
В предрассветной сини,
В караульной свет горит,
Век семнадцатый стоит
На дворе России.

Время каменных палат,
Век боярской спеси.
У церковных у оград
Люди пришлые лежат
С москвичами вместе.

Будем всё, что было встарь,
Вспоминать всё чаще –
Как в России правил царь,
Православный государь
Алексей Тишайший.

Он не худший для страны,
Век без лишних сует,
Век без Северной войны,
Без убитых без вины,
Без разбитых судеб.

И в кафтанах удалцы
В ярко-алых красках,
С бородами молодцы –
Государевы стрельцы
В сапогах и в касках.

А разбоям суд такой –
Кровь, от чёлнов доски,
Гром пищалей над рекой
Провещал «за упокой»
Разинскому войску.

Вот взметнулись высоко
Бердыши с размаху.
И вела спокон веков
На Руси бунтовщиков
Их тропа на плаху.

Топором удар сплеча –
Точно и неспешно;
Голова летит стуча,
На лице у палача
Мрачная усмешка.

Хоть и тяжек ратный труд,
Будет всем награда.
Всяк разбойник кончит тут,
Начинайте новый бунт,
Коли жить не надо.

Ах, о вольности мечта,
Грозный дух бунтарства!
Люди те – не нам чета,
Да засечная черта
В половину царства.

* * *

Над нами висит пламенеющий крест,
Горелый тревожащий запах,
А ветер сменился на жёсткий зюйд-вест,
И солнце уходит на запад...

О нашей судьбе поразмыслит другой,
И дело совсем не в обиде:
К чему примирять вековых врагов –
Мы сами себя ненавидим.

Жестокое право больших кулаков!
И всё же судьба непонятна:
На детских штанишках минувших веков
Застыли смолистые пятна.

И лучше на правду смотреть без прикрас –
На войны в конце и в начале.
Владыка Вселенной взирает на нас,
Задумавшись в вечной печали –

В печали
за нас...

РУССКИЙ АПОКАЛИПСИС

Святая земля от начала времён,
Что ныне лежит под пятой...
Откроем завесу под медленный звон
Над Русью – не этой, а той.

Увидишь под небом разор и тоску,
И грохот, и пламя до плеч,
И Ангел Господень нисходит в Москву,
В руке его – огненный меч.

И тёмные крылья раскинет беда
Под рокот подземных зверей;
Содом и Гоморра уйдут в никуда,
Изменится берег морей.

И будет всё это – не мир, не война,
Не бомбы, не слёзы, не кровь –
Пройдёт по России земная волна,
И мир переменится вновь.

Поднимутся к небу иные леса
Вдоль края вселенской оси,
Над ними, сияя, плывёт полоса
Грядущей небесной Руси.

Подвинутся горы, истопится лёд,
Исполнится грозный зарок,
И кто уцелеет, и кто доживёт,
Покуда исполнится срок?!

У ПЕТЕРБУРГСКОГО МОСТА

Уже давно блуждают блики
Под сенью старого моста –
От саркастической улыбки
На беломраморных устах,

От этой хлесткой эпиграммы,
Подобной высверку кнута,
Прямых творцов российской драмы
Спасает правда только та,

Что был Поэт – и нет Поэта.
На протяжении двух веков
Доносит медленная Лета
Живое зарево стихов.

И, повторяясь многократно,
Светя надеждой вдалеке,
Они живут, они понятны,
Они – на русском языке

Звучат в своей немалой силе.
А век закончится лихой –
Грядёт Великая Россия
Под сенью пушкинских стихов.

В ОЖИДАНИИ ПАТРИАРХА

Биржевые не смешаются заботы
С гефсиманскою мольбой ночного сада.
Патриархи неизменно патриоты.
Демократы неизменно деньгокрады.

Совесть гибнет от кинжала и цикуты,
Истекая кровью порченной венозной.
То, что можно конвертировать в валюты,
Всё в коробке из-под XEROXа выносят.

Но не вынести Соборы и могилы,
Не продать Святой Руси живых и павших.
Вновь восстанет добрый кормчий у кормила,
Снова выйдет добрый сеятель над пашней.

Не блеснут глаза лукавые под митрой,
Демократии не выгорит подмена.
Здесь всегда, когда витийствует Лжедмитрий,
Русь вымаливает слово Гермогена.

ДВА ОТЕЧЕСТВА

Моё Отечество земное,
Как у трескучего огня –
Нет неуклонного покоя
Ни у тебя, ни у меня.

Среди знамён и конституций,
Не ведая твоих икон,
Народы внешние мятутся,
Тебя смущая испокон,

А ты на венценосном струге
Лелеешь праведную тишь,
И, опираясь на хоругви,
Куда-то в горнее глядишь.

Пожары, мятежи и войны,
И гибель многих, и разор –
Но перехлёстывают волны,
И ты не ставишь им в укор.

Претерпевая и прощая,
Непостижимый мой народ
До самых врат небесных рая
Свои молитвы донесёт,

И если с ними я воскресну
Увидеть горную страну,
В своём Отечестве Небесном
Твоё я имя помяну.

БЫЛА НА МНЕ ДУХОВНАЯ БРОНЯ

Была на мне незримая броня.
Я памятовал в сутолоке быта,
Что есть отец, который ждёт меня,
Есть дом, в котором дверь всегда открыта.

Там невода, и донки, и пешня,
И инструмент, то лёгкий, то тяжёлый,
И скромный ужин трудового дня,
И старых шахмат трещины и сколы.

Прошли года. Расставили года
На кладбище, как шахматы, могилы.
Уже не возвратится никогда,
Что в *этот* край из *тех* краёв манило.

Но крепко стали, прошлое храня,
Могильные обветренные плиты.
Есть старый дом, который ждёт меня.
В нём дверь отцом для сына не закрыта.

НЕ ЗАЖИГАЙ ОГНЯ...

Не зажигай огня. Побудем молча в доме
Средь шорохов тепла и запахов смолы,
Где старые часы забылись в полудрёме,
Где печки облака сквозь сумерки белы.

За занавесью грёз из стираного ситца –
Всё тот же долгий луг в испарине росы.
Давно дошла трава, да незачем коситься.
Не встанут здесь стога в закатные часы.

И прежний будто лес в окраине пейзажа
Уже не тот, грибной, что тешил в детстве нас.
По воздуху скользя, летит печная сажа –
Сожжённых наших лет неистовый Пегас.

Его бы оседлать с задором, как и прежде,
Чтоб песня под гармонь, об изгородь – плечом:
Подругу вызывать в волнительной надежде.
Но ты уже не та. И я здесь ни при чём.

Мы все не при делах, мы все не при заботах,
И, радости даря, иная песня дня
Для нашей тишины напрасна отчего-то.
Блаженна темнота. Не зажигай огня.

НА ВИТКЕ БЫТИЯ

Советский Союз уходящий...
Средь тысяч и тысяч – я.
В истории человечества –
Всего лишь виток бытия.

Вглядимся в недавнее пристально.
Да, было: и крови, и лжи
Сверх меры. Но как же чисто мы
Умели мечтать и дружить!

Без горнего, без идеала
Россия не знает пути.
И галстуки рдели ало
И свято, как крест на груди.

За радость победных маршей,
За слёт благосклонных муз,
За светлое детство наше
Спасибо, Советский Союз!

МАЧЕХА

*«Сатанинская страна,
А земля – святая»*

Елена Родченкова

Турки, Чечня, цыгане –
Все за своих – горой.
Только в России русский
В доме своём изгой.

Нет тяжелей мытарства,
Чем среди стен родных.
Мачеха-государство,
Что же ты бьёшь своих?!

Что ж так усердно хочешь
По чьей-то воле злой
Гнать на панели дочек
И сынов на убой,

Старых людей – на свалки,
Прочих на рабский труд?!
Русских в России не жалко,
Пусть скорей перемерут.

Всякий запас терпенья
Кончился. Вышел срок.
Снова щеку подставить –
Уж не хватает щёк.

* * *

Редеем строй. Как мало их осталось...
Цветы алеют. Майский воздух чист,
Но целит в грудь жестокий снайпер – старость,
Последний, недобитый их фашист.

Весенний гром, как той войны раскаты,
И облака, как поля битвы дым.
Уходят поседевшие солдаты
К своим однополчанам молодым.

СТРАНА КАРАМАЗОВЫХ

Мы с этой землёю корнями повязаны –
Без крови, без мяса уж не оторвать.
Россия, Россия – страна Карамазовых,
Вот только Алёши нигде не видать.

И как разгадать то явление странное?
Быть может, в скиту не встаёт он с колен?
А может, в лице Алексея Романова
В Ипатьевском доме он был убиен?...

Куда же теперь, без ветрила и правил?..
Толпой смердяковых Алтарь окружён.
Россия, Россия – колодец-журавль,
Все рвёшься ты в небо, да камень тяжёл.

Я иду коридором каменным
Мимо стен и меча Довмонтова,
Чтоб припасть к образам намоленным,
Помолиться за Русь.

В небо путь от собора Троицы.
Синева прямо в душу распахнута.
Здесь земное с великим сливается,
Как с Великой – Пскова.

ЕСТЬ В РОССИИ МЕСТА

Есть в России места,
Где природа чиста,
Где сердца у людей не остыли.

Там, вдали от столиц,
Больше искренних лиц,
Там родник русской славы и силы.

Там не бросят в беде,
Не откажут в еде,
Там помогут, чем могут, всем миром.

Там невест чистота,
И людей красота,
Там не строят дворцов и кумиров.

А у тихой реки
Там сидят рыбаки –
Ждут удачу свою на рассвете.

Там живёт мой народ,
Там природа цветёт,
Там смеются залиvistо дети.

Деревенский уклад.
И, наверно, стократ
Буду Господу Богу молиться,

Чтобы тысячи лет
Тёплый искренний свет
Освещал эти русские лица.

СТАРЫЙ САД

Деревенское детство босое,
И крестьянский нехитрый уклад,
Запах трав, что легли под косою,
Старый, дедов, развесистый сад.

Там по осени некуда деться
От обилия яблок и слив,
Там любимое дерево детства,
Моя яблонька – белый налив...

Всё прошло, словно кануло в Лету,
Унеслось, не догнать, не найти...
Только снова в преддверии лета
Старый сад начинает цвести.

Зацветает, потом облетает,
Но живёт мой заброшенный сад.
И трава вновь в себя принимает
Спелых яблок его аромат.

Так бывает. Конечно, в России!
Сад живёт, хоть проходят года –
Для того, чтоб его не забыли,
Чтобы вновь возвращались сюда...

* * *

Нынче писать стихи –
себе дороже,
каждый – ценитель,
но каждый десятый –
каратель.
Вот и готово поэту
прокрустово ложе,
Чтоб не торчали пятки
из общей кровати.

Только не тот поэт,
кто ищет, где слаще,
кто отупел от жлобства
и от гламура.
Есть ещё,
поверьте,
стихи настоящие.
Только вот в них летит
пуля-дура.

СКАЗАТЬ ПОДЛЕЦУ...

Споры всё же подходят к концу.
Умный – тему досрочно закроет.
Но сказать: «Ты – подлец!» подлецу,
На мой взгляд, обязательно стоит.
Глупость вновь нагоняет тоску,
Превращая нас в серое стадо,
И сказать: «Ты – дурак...» дураку,
На мой взгляд, обязательно надо.
Только чаще я слышу в ответ:
«Не влезай, промолчи, будь умнее...»

Принимая подобный совет,
Не становимся ль сами подлее?

МОЖЕТ, СБУДЕТСЯ?

Старый сор да хлам – из избы долой,
По больным местам – кипятком-смолой,
Былью-небылью, болью дикою –
Из огня костра, да в Великую.

Белым полем путь, грязью-жижею,
Гонит горем нас с мест насиженных,
Русской поступью да лихой бедой:
Кости россыпью по земле святой...

Что мерещится?
Что там чудится?
Перекрестимся:
Может, сбудется?

Я ушёл от разборок и склок,
От фальшивых страстей и обид,
И опять лихолетье дорог
Моет пылью мои сапоги.

Я ушёл; видно, вышел мой срок –
Вновь по миру иду налегке:
Деревенского сала кусок
Да горбушка в заплечном мешке.

Пусть шипят за моею спиной:
Мол, не выдержал – сдался, слабак...
Я сегодня богат тишиной,
А не лаем дворовых собак.

И на пыльном кленовом листе
Напишу пару строк, пару фраз,
О любви, и о вечной мечте
Стать счастливым – хотя бы на час.

ПО ЗАВЕТАМ ОТЦОВ

Видишь, Родина, как в мирном небе играют зарницы?
Слышишь, Родина, как величальная песня звучит?
То пришли за тебя в древний храм псковичи помолиться,
Прикоснувшись душой к невесомому свету свечи.

Приезжайте к нам в Псков, оставайтесь, живите как братья!
Чтоб душа расцвела, посетите святыя места!
Приезжайте, друзья: вам наш город раскроет объятья,
А молитву Святым ваши сами прошепчут уста...

По заслугам и честь: город «Орденом Славы» отмечен,
А десант и спецназ множат подвиги славных отцов.
Здесь ведут под венец самых верных и преданных женщин,
И союз их венчает залиvistый звон бубенцов.

Спит спокойно страна, если древнему Пскову не спится:
Для Отчизны родной – он надёжный и сильный оплот!
Над Великой-рекой упиваются синью синицы...
По заветам отцов славный город веками живёт...

* * *

Встаёт над Россией рассвет бледнолицый.
И ветви берёзы – как хвост кобылицы.
А облако рвано трепещет краями.
Столбы у дороги качаются пьяно.

Мне всё тут знакомо, родное до боли –
От отчего дома до колоса в поле.
Знакомо волненье плакучей берёзы
И осени нудной холодные слезы.

КРЫПЕЦКИЙ МОНАСТЫРЬ

Озера трепетна гладь,
Рядом – болотная гать.
Клюквы нетканый ковёр,
Неба лазурный шатёр.

Прячут обитель леса,
Окна – как старца глаза.
Замер в тиши монастырь –
Хмуро глядит на пустырь,

Словно поставлен в дозор.
Слышен молитвенный хор,
И, как дыханье души,
Тихо шуршат камыши.

Чудный узор на избе
Взгляд привлекает к себе.
Здесь молчаливый народ
Крест свой покорно несёт.

А под могильной плитой –
Первый игумен, святой –
Савва. Прохожий пройдёт,
К лику святого прильнёт...

На морозе снежинки колются,
Заметают путь за околицу.
Туча снежная космы свесила,
Чтоб всю ночь пурга куролесила.

Не горюется мне, не плачется.
За окном вечер зимний прячется,
Дремлют в тёплой печурке валенки,
Дремлет бабушка с внучкой маленькой...

Треск поленьев, тепло горячее –
Всё родимое, настоящее,
Беззаботное, бесконечное...
Где ты, детство мое беспечное?..

ПСКОВ

О, вольный город на Пскове!
Ты русским витязем зовёшься:
Следы боёв хранишь в траве,
Заставой крепкой остаёшься!

Княгини Ольги отчий дом:
По слову древних летописцев,
Она в судьбу твою перстом
Вписала первую страницу.

Седого неба три луча
Ей место Храма указали –
И Храм, как Ольгина свеча,
Небесных сфер раздвинул дали.

Того, кто шёл на Русь с мечом,
Встречал наш город грозной сечей,
Разил довмонтовым мечом –
Грядущих подвигов предтечей.

Их было много – тех боёв:
Как волны, шли на город беды,
Но Псков рукой своих сынов
Ковал великие победы.

Горды наследием таким!
Храним обычаи и нравы!
И пусть звучит в веках как гимн
Твой статус – Город ратной славы!

Я весь, до донышка, пскович,
В моей душе скобарь живёт;
Он город свой от бед спасёт
И вступит в бой, услышав клич.

О, мать – Великая река!
В твоей купели я крещён
И, может, буду тем спасён
На все грядущие века.

Мирожских фресок чистоту
Ни с чем на свете не сравнить,
И лишь затем здесь стоит жить,
Чтоб видеть эту красоту!

Под колокольный перезвон
Встаёт рассвет из-за Кремля,
И, может быть, здесь новый трон
Воздвигнет русская земля.

СЛОВЕНСКИЕ КЛЮЧИ

Порою судьба на нежданной излучке
готова порваться, как тонкая нить,
в пустой маете опускаются руки
и просто не можетсЯ верить и жить.
И если со мною затмение такое, –
являются мне наяву и во сне
высокая крепость над синей рекою
и древняя церковь на той стороне.

Сколь помню себя, с детских лет и поныне
они предстают в перекрестье лучей,
где плещут в лесной заповедной долине
волшебные воды Словенских Ключей.
Здесь тысячелетья работу вершили,
и вот – излучают вселенский покой
седая твердыня на светлой вершине
и храм православный над синей рекой.

Сосновой живицы, кипрея, душицы
и душиной малины дурманная смесь
по склонам в низину плывёт и клубится,
и всё этим духом пропитано здесь;
и веет урочище грустью глухою,
и дремлет костёр на вечернем лугу,
и светится церковь над синей рекою,
и светится крепость на том берегу.

А утром с холма приоткроется взору
озёрная чаша по имени Чудь.
...Когда-то в неё из морского простора
варягов и греков заглядывал путь,

И гости, пройдя штормовую пустыню,
как будто в раю, озирали впервой
взошедшую в небо крутую твердыню
и сказочный храм со злачёной главой.

И снова в дремучих рыбачьих угодьях
долблёные лодьи горят чешуёй.
И трав яроводье скрывает колоды
с наполнившей дупла медовой струёй.
Но – горечью древней и кровью людскою
омыты и почва на каждом шагу,
и гордая крепость над синей рекою,
и церковь святая на том берегу.

Над башнями ястреб свершает кружение,
и вторит над храмом ему дельтаплан, –
а крепость взошла на чухонском селенье,
а церковь – на жертвенном камне славян.
...Так что же охвачен я смертной тоскою?! –
ведь Русская вечность подарена мне,
как белому храму над синей рекою
и каменным стражам на той стороне.

И Русская Доля чиста, как царевна.
И Русская Воля – огня горячей.
И Русская Вера извечно целебна
подобно водице Словенских Ключей.
...Веками вдыхаю безбрежье чудское,
а всё ж наглядеться вовек не смогу
на крепость седую над синей рекою
и церковь родную на том берегу.

* * *

Белокаменным витязем дремлет
утопающий в сумерках Псков.
И плывёт из глуби его древней
вольный голос минувших веков.
Но его только сердцем возможно
услыхать, этот клич вековой,
и понять, что гласит он тревожно
над Великою и над Псковой.

Ярой медью взрывая потёмки,
льётся чести и совести зов.
Это предки зывают к потомкам,
пробуждая сегодняшний Псков.
Пробивая веков расстоянья,
дышит слово их гневом святым:

«Что же сделали вы, россияне,
с неразменным наследьем своим!
Опились вы бесовского зелья
и дозволили своре волков
растачить необъятную землю
на десятки кровавых кусков.

Вольный Псков! Ты для Третьего Рима
стал духовным отцом в старину.
Что же смотришь ты невозмутимо
на лежащую в прахе страну?

Ведь уже чужеземцы-соседи
на поля твои зарятся вновь.
Что ж набатной не полнится медью
в псковских гражданах древняя кровь?

Неужели плевать вам, что славу
прошлых лет продают по частям,
а хозяева нашей державы
лижут пятки заморским гостям?..»

... Так, пронзая веков расстоянья,
кличут предки нас в Смутной ночи.
... Что же сделали мы, россияне?
что мы скажем в ответ, псковичи?

* * *

Нас брали штурмом, нас брали измором.
Но все минувшие двадцать веков
нас от позора спасали изворы¹
земли, не терпящей рабских оков.

Священный крест на могиле Трувора –
вот в камне явленный свет родников...
Играет ветер горючей травой
над прахом предков, над прахом врагов.

И веет мёдом... Но мы – не из воска.
Нам от Извореска, нам от Изборска
ещё две тысячи лет не сойти.

И нет земли нам родней и желанней,
чем вольный мир под горою Жеравьей,
где дремлет вечность в рыбацкой сети.

¹ Извор (древнерусск.) – источник, ключ, родник. Одна из версий возникновения имени Изборска – от этого слова.

ГИМН ГОРОДА ПСКОВА

Там, где к Великой мчится Пскова,
Там, где Россия в людях жива,
Встал наш любимый город седой,
Вечно хранимый Ольгой Святой!

Блещет барс над каждой башней.
Блещет золото крестов.
Вечно славься, Псков вчерашний!
Вечно здравствуй, новый Псков!

Звон колокольный в небо плывёт.
Город наш вольный гордо живёт.
Годы лихие сгинут, как дым.
Славу России мы возродим.

Не опрокинет временем гром
Нашу твердыню – каменный Кром.
Вскормлен и вспоен силой земной
Пахарь и воин, Псков наш родной.

Блещет барс над каждой башней.
Блещет золото крестов.
Вечно славься, Псков вчерашний!
Вечно здравствуй, новый Псков!

*(Музыка композитора Н. Мишукова,
Гимн утверждён Городской Думой Пскова
в 1999 году)*

ПСКОВЩИНА

Сколько новых слов к себе ни кликаю,
а душа всё прежними жива:
вольный витязь Псков, река Великая,
быстрая, плескучая Пскова...

Каждый раз, когда в судьбе морозило,
грел её родных имён огонь:
древний град Изборск, Чудское озеро,
крепость Порхов и река Шелонь...

Хоть корми меня на чистом золоте –
снова уведёт дорожный дым
к ситцевым полям над синью Сороти,
к трём горам, единственно Святым...

* * *

*Протоиерею отцу Олегу,
настоятелю Псковского храма
Александра Невского*

Как багровы стали воды наших рек,
и пропитан алым цветом первый снег
не от осени – от крови да от срама...
Помолитесь за меня, отец Олег,
достославный пастырь воинского храма.

В камуфляже, что горючкою пропах,
и в тельняшках, и в десантных сапогах,
и в морских бушлатах – Ваши прихожане.
...Кто постарше – нюхал порох и в песках
африканских, и, конечно же, в Афгане.
В храме Вашем столько воинов-калек,
сколько даже и в санбате человек
не всегда увидеть можно после битвы.
Исцелите их сердца, отец Олег,
Божьей заповедью, истовой молитвой...

Эту паству на Балканах и в Чечне,
и в окопах, и на танковой броне
окормляли Вы духовною заботой.
И крестом на подвиг в гибельном огне
осеяли Вы Шестую нашу роту...

И не только пастырь, строгий и седой –
а державный витязь, вещий и святой
Невский-князь вещает Вашими устами
в час, когда под колокольный звон густой
освящается оружие в этом храме.

Из глуби веков глядит святой стратег
на потомков, что вступили в новый век –
21-й от Рождения Христова.
Помолитесь за него, отец Олег!
Да поможет русским людям Божье слово...

*(Из историко-лирической поэмы
«Прощание с XX веком»)*

* * *

Как мало слышится стихов! –
наверное, для них не время.
Когда лежит в руинах кров,
душе любое тяжело бремя.
Поэзия же – это груз
незримей света, легче пуха,
Она – не минус и не плюс:
небесный труд земного духа.
Когда же на земле беда,
уставшим душам – не до неба.
Но без небесного труда
не будет и земного хлеба.

НА ИСХОДЕ...

На исходе
шестого десятка моего оказалось,
что сердце ещё не нахлебалось
из волшебных сокровищниц мира ничего –
ни кипящих страстей, ни водицы ключевой,
ни дороги, что дарит свинцовую усталость,
ни страды ломовой, что глотает с головой...
Плоть и дух не насытились
жизнью ни на малость!

И опять я посланцем из юности моей,
пролетевшей в объятьях
трудов, дорог и женщин,
обитаю в кроссвордах предгорий и морей
и плутаю в пространстве,
лучащемся, как жемчуг.

Пью взахлёб расстоянья немыслимой страны,
что великой державой не только лишь по нраву
своему называлась веками, но по праву
первородства – духовной своей величины.
...А сегодня – просторы её облучены
радиацией нечисти, властной и плюгавой.

Но повсюду остались товарищи мои –
поседевшие парни, кряжистые ребята.
В них неладного времени новые слои
не убили натуры, по-прежнему крылатой.
И, как прежде, мы пашем до ломоты в костях
и до рези в глазах; и душой своей, и плотью
заклеймённый позором,
разодранный в лохмотья
мы сшиваем наш гордый нерукотворный стяг.

Как живую водой, мы его своею кровью
окропим, воскресим!
И взовьётся он опять.
Нам иначе нельзя. Нам – от гибели спасать
землю прадедов наших и правнуков гнездовья...

...А когда возвращаюсь
в мой заповедный град,
он меня заключает в объятия древних башен.
В этой крепости мне
Бог судья и рок не страшен.
Жизнь – желанна! И светел
в ней каждый миг. И свят...

* * *

Что будет дальше в нашем мире,
Не знаешь ты, не знаю я.
Пока мы здесь живём, в квартире,
Смерч рушит милые края –

Там нивы смяло ливнем жутким,
И урожай весь – под откос,
А в телевизоре – всё шутки,
А на душе черно от слёз...

Россию нашу для веселья
Всё оборудуют. Ну, что ж –
Наш человек жив прежней целью:
Он снова будет сеять рожь,

В деревне старой избы строить,
Превозмогая страх и боль,
Превозмогая скорбь и горе,
Чтоб жизнь наладить – в этом соль!

И верую в Господню силу,
Ему удастся превозмочь
Все трудности, чтоб на Россию
Вновь не спустилась скорби ночь.

* * *

Была деревня, был настрой,
И были мужики и бабы.
Сияло солнце над горой,
И дело делалось неслабо.

Но постепенно, исподволь
Деревня наша опустела,
И в сердце поселилась боль,
Которой нет теперь предела...

Соседей справа больше нет
И слева – тоже на погосте.
В траве не виден росный след –
Никто теперь не ходит в гости;

И из окошка в темноте
Не видно ближнего оконца;
Знать, времена теперь не те,
Коль тускло нынче светит солнце.

А из колодца вся вода
Ушла – исчез источник силы...
Да, нас сманили города,
И стал родимый кров немилым.

Один лишь детства старый друг
Здесь продолжает жить упрямо.
Всю жизнь нам было недосуг –
Теперь поговорим о главном?..

УТЕРЯНА ОСНОВА

На сельский край опять спустилась осень.
Кругом безмолвье и лесная глушь,
И на старинном дедовском погосте
Кусты за лето разрослись средь луж.

Давно траву здесь люди не косили,
Давно уже не ставили стогов:
Печаль легла на матушку Россию –
Ей дела нет до пашен и лугов.

Косил мой дед, и мой отец старался,
Чтобы укос отменным был всегда,
Но я, крестьянский сын, теперь остался
Без этого счастливого труда.

Зачем косить, коль нет в хлеву коровы,
Коль нет овец, и коз в помине нет,
Когда в душе утрачена основа –
Той, прежней, жизни путеводный свет?!

В деревню я нечасто нынче езжу:
Там хлев пустой – укором вечным мне...
Но снится мне: рассвет осенний брезжит,
И я – в полях, «на розовом коне»...

ГОСПОДИ, ПРОСТИ!

Я у Творца прошу прощенья
За Русь Святую, за народ,
Поскольку, словно до Крещенья,
В стране господствует разброд.

И, мысля нынче по-иному,
Забыв про заповедь Христа,
Народ к тельцу бежит златому
Без чести, совести, креста,

Что стали вдруг обузой лишней...
Прости нас, Господи, прости!
Предупреди беду, Всевышний,
Россию-матушку спаси!

ПОРЯДКА НЕТ

Весь белый свет исколеси,
А встретишь только на Руси:
Народ, воспитанный на сказках,
Живёт в тоске и неувязках.
С наидревнейшею бедой,
Сравнимой разве что с Ордой,
Не в силах он определиться:
Так кто ж хозяин у землицы?
Но нет в законах постоянства –
И нет просвета для крестьянства,
А раз Отечество – ничьё,
Над ним глумится сволочьё!
Не в том ли кроется секрет,
Зачем у нас порядка нет,
Да и появится ли впредь?
И долго ль это всё терпеть?

ПАМЯТНИК ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ РУСИ

*Чтоб Грозный царь – со всеми вместе?
Знать, не достоин этой чести.*

В Великий Новгород, к Собору,
Российский памятник манит –
К немому предков разговору
Он нам прислушаться велит.

Здесь все, кто жил и не лукавил,
Кто патриотом русским был,
Кто след в истории оставил, –
Фигурой бронзовой застыл.

Здесь время движется по кругу
На протяжении веков,
И люди тянутся друг к другу,
И каждый здесь спросить готов:

«А ты – что сделал для России?
Какой оставил в жизни след,
Потомки чтоб не поносили
Тебя по истеченью лет?..»

Мекешин бронзою литою
Нам многое сказать сумел!
Но... не грозит ли нам с тобою
Ивана Грозного удел?

РУССКИЙ

А почему графа «национальность»
Исчезла вмиг из наших паспортов?
На вид пустяк – бумажная формальность,
Но... в корень зри! – советовал Прутков.

Теперь твердят, что все мы – россияне!
Обидно мне становится за Русь:
Я – россиянин в США, в Гвиане,
Но здесь, в России, русским остаюсь!

Порою мне до боли в сердце грустно:
Доколь России в ценностях мельчать?
Надеюсь всё ж: родное слово русский
В дальнейшем будет с гордостью звучать!

Страх Господень – авва воздержания,
Воздержанье дарит исцеление,
Лучшая поэзия – молчание,
Лучшее молчание – моление.

Лучшая молитва – покаяние,
Покаянья тщетно без прощения.
Лучшее пред Богом предстояние –
В глубине высокого смирения.

Я забудусь в таинстве молчания
Пред иконой чудной – УМИЛЕНИЕ.
Да очистят слёзы покаяния
Высшую поэзию – моление.

* * *

Без Бога нация – толпа,
Объединённая пороком,
Или слепа, или глуха,
Иль, что ещё страшней, – жестока.

И пусть на трон взойдёт любой,
Глаголющий высоким слогом,
Толпа останется толпой,
Пока не обратится к Богу.

* * *

Этот город от Ольги до нынешних дней
Славен мужеством был повсеместно:
Охранял рубежи он Отчизны своей,
Крест неся свой достойно и честно,

И во все времена, непокорен и смел,
Не страшась ни огня, ни раздоров,
Восставал из руин – и подняться сумел
Куполами церквей и соборов.

Мы гордимся тобою, великий наш Псков, –
Воин нашей могучей Державы!
И по праву отныне и навеки веков
Стал ты Городом воинской славы!

* * *

Тогда ещё ты не звалась Великой,
Великая, могучая река, –
Текла в тиши среди природы дикой –
Среди лесов, болот... И облака,
Что над тобой в безмолвье проплывали,
Уже видали первые костры
На берегу высоком, но едва ли
Предвидели грядущие миры,
Когда на смену первым поселениям
Одиннадцать веков тому назад
По Ольгиному – было! – повеленью
Здесь вознесётся чудный Плесков-град...

* * *

Смуту и безверье не приемли,
А иначе точно быть беде...
Над рекой Великой белый Кремль,
Как Христос, идущий по воде.
Прикоснись душою к старине,
Мимо деклараций и затей.
С каждым годом по родной стране
Меньше километров и детей.
Кто бы, что и как ни говорил,
Только «нет!» в ответ ему скажи.
От чудской волны и до Курил
Подступают к горлу рубежи.
У других подачку не моля,
Каждому не открывай дверей.
Глубока российская земля –
Глубже океанов и морей.
Не обходят грозы стороной,
Падает и каменная кладь.
Русский Бог за белою стеной,
Псковский Кремль за нашею спиной –
Некуда нам дальше отступать.

* * *

Бесконечно бродить я готов
В полутьме по зигзагам аллеи –
Сохранившей портреты веков
Исторической галереи.

Расстояния – велики,
Впечатления тоже велики:
Не такие уж мне чужаки
Те святые и грешные лики.

Я отыскиваю в их чертах –
Нет, не знаки лишь внешнего сходства, –
Доносящие гордость и страх
Указатели первородства.

И свои в них черты нахожу,
Уловляя их в призрачном свете.
Значит, тоже им принадлежу –
Не истлевшим во гробе столетьям.

Боже, что сотворил Человек,
Богатея и сиротя!
... Принимай наш суровый век,
Историческая галерея.

ВРЕМЯ – ВРЕМЯ

Русь великая, Русь могучая
Сквозь такие горнила прошла!
Но веками ничуть не научена:
Над Россией по-прежнему мгла.

Мы «ура» на весь мир открывали.
Отгордились. Напыжились всласть.
Время боли и время печали.
Бремя власти и бремени власть.

* * *

Терпенье – качество великое!
Ну как иначе превозмочь?..
Спасибо, Русь ты солнцеликая,
Что в том сумела нам помочь.

Ведь без родительского качества
Хоть свету белу не видать...
А биографии – их начисто
Пришлось бы всем переписать.

Терпенье – состоянье дикое,
Когда о самом главном речь...
Прости ж нам, Русь моя великая,
Что не смогли тебя сберечь...

* * *

Добро вышагивало по дороге столбовой
Уверенно, надёжно и раскованно.
А между тем зло кралось стороной
(Ему всегда быть на виду рискованно).

И метило добру в его светлейший лоб
Холодной пулей, до конца продуманной.
«Добро, остерегись!» Куда! Слепому всё б
Смеяться да приплясывать под дулами...

Добро, добро, да разве ж можно так?
Доверчиво нежны твои ладони,
Но, сжать сумев их в каменный кулак,
О сколько ты предотвратишь агоний!

* * *

Я земле родной не изменю,
И не потому, что хорошо был кормлен, –
С верностью я сызмала помолвлен
И теперь лелею и храню.

Мать-земля родная, дорога мне
Вся ты – от улыбки и до слёз,
От подарка до удара камнем,
От жарыщи до прохлады рос;

Вся ты – от бурьяна и до хлеба,
И в цвету, и в горестной золе...
Горизонты мы берём у неба,
Но стоим на грешной всё ж земле.

ТЛЯ

В общежитии по имени Земля
Странное у тли предназначенье:
Исполинов с ног сбивает тля,
А сама-то – тьфу, одно лишь званье.

Впрочем, что до звания – служить
И оно намёком тонким может:
Сжечь до тла, тлен, тлеющий, растлить –
Родственнички, упаси нас, Боже!

Благоденствует прожорливая тля,
Из живых выкачивая соки.
Раздобрела и фасона для
Носит щегольской зелёный смокинг!

От неё в округе плач да вой,
Зверствует – ну просто спасу нету.
Наконец свершилось: за разбой
Тля привлечена-таки к ответу.

Пред судом, нимало не дрожа,
Тля стоит, а обвинители – в тумане:
Не сыскали финского ножа
Ни за поясом, ни в потайном кармане...

В общежитии по имени Земля
Всё ещё разбойничает тля.

* * *

За всё надо платить
Приявшему нас миру –
За свет в очах, за воздух, за тепло;
За радости – бедой,
За самый миг счастливый –
Горючими слезьми,
А смертью – за житьё.

Не тот богат, кому
Нежданно привалило,
Кто благам дареным и счёту не ведёт,
А тот, в ком сила есть,
Беря от жизни много,
Рассчитываться с ней
По дорогой цене.

О ВЕЧНОМ

Справляя под гитарный перезвон
День именин (пока что не поминки),
О вечности задуматься резон,
А значит – о судьбе любой былинки.

Негоже брезговать, взирая свысока,
Ни даже самой махонькою мошкой:
Явилась в жизнь не за одной кормёжкой
И, сколь мала, настолько ж велика.

Родиться, и отжить, и в землю лечь,
И с ней, взрастившей, безраздельно слиться...
И смертное – всё ж вечности частица,
Ну как его не холить, не беречь!

Мы меж собою связаны во всём,
Неважно – ненавидим или любим.
И жаль, что вечное в себе под корень рубим,
Хотя и не всегда осознаём.

Погружены в один круговорот –
Пройдёшь вперёд или назад вернёшься.
И всё, чего ты в жизни ни коснёшься,
Коснётся самого же в свой черёд.

...В лесу горелом побывал на днях,
И вдруг не только жалок, но и грозен
Мне показался строй увечных сосен
С молчанием в обугленных ветвях.

Из рощи слышатся удары топора...
Пальба доносится с утино болотца...
Далёкий голос плачет ли, смеётся...
О вечности задуматься пора.

Любуйся переливами зари,
Сиянием ночного Зодиака,
Но если где-то стонут глухари –
Гляди, как бы и сам ты не заплакал.

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА ПСКОВСКОГО

*Братья мужи-псковичи! Потягнем за
Святую Троицу, за своё отечество!..*
Псковский летописец

Наступали меченосцы.
Впереди – знаменосцы,
Нагоняя мрак и страх.
И почтенные прелаты
Шли, закованные в латы
И с крестами на плащах.

А у камня у Воронья,
Изготовясь к обороне,
Притаились псковичи.
И как водится искони –
Кто в портах, а кто во броне,
Наострив свои мечи.

Не видали мы Батяя,
А за Троицы Святыя
Постояли мы не раз.
И в лучах военной славы
Светлы Троицыны главы
Засияли, как алмаз.

Но хотите не хотите ль,
Нужен был нам покровитель –
Власть московская пришла.
Приказали... И тогда-то

Младший брат пошёл на брата...
Вот такие-то дела¹...

Не видали мы Батяя,
А за Троицы Святыя
Постояли мы не раз!
Но чтоб слать на брата рати
И в крови купаться братьей...
Да на то ведь и приказ!

В довершение историй
Сам король Стефан Баторий
К Пскову-городу ходил.
Но Окольный крепкий город
Сбросил врага за ворот,
Чтобы дымом не чадил²!

Не видали мы Батяя,
А за Троицы Святыя
Постояли мы не раз.
И в лучах военной славы
Снова Троицыны главы
Засияли, как алмаз.

Белостенный, среброглавый,
Осенён великой славой
Светлый Троицкий собор...
И стояли на стороже
Стены древнего Мирож³,
А за ним курился бор.

¹ Псков именовался «младшим братом» Новгорода Великого. Псковская рать шла на новгородцев по приказу Ивана III во время присоединения Новгорода к Москве. Псковичи, однако, не очень спешили. (Формально Псков ещё не был подчинен Москве, но находился под ее рукою; без помощи Москвы уже не мог обойтись...)

² Окольный город – пятое наружное кольцо крепостных стен Пскова.

³ Мирож – Мирожский монастырь (XII в.).

НО НЕ СДАЁТСЯ БАРАБАНЩИК КОЛЯ

Так пелось в песне – *«В лунном свете штык.
Слеза прольётся и на грань щекою
Прокатится»*. Но паренёк привык
Петь: *«Не сдаётся барабанщик Коля»*.

Что ж, так на слух легло, и песня пусть
Ему-то, в общем, нравилась не очень:
Что там любовь какая-то и грусть,
Но про него там пелось – это точно.

И он горланил аж до хрипоты,
Он непременно всех старался боле,
Когда тянули дядьки и братья,
Что не сдаётся барабанщик Коля.

Ах, как он счастлив был и горд тогда!
И пацана разубеждать не стали.
И даже в шутку, просто, иногда
Его слова при нём же распевали.

И тут же он солдата-новичка
Подбадривал мальчишеской рукою
И пел дискантом строгим мужичка,
Что не сдаётся барабанщик Коля.

И если кто вдруг скажет что-нибудь
С усмешкой, он уже и драться
Готов. А после руку, знаете, на грудь
Положит, скажет: «Ей-Богу, братцы,

Не посрамлю!» – Глаза его горят.
А все ему: «Не в этом дело, в песне».
Но про слова ему не говорят:
Он – сирота, войны суровой крестник.

Но вот однажды в крепости сырой
Окружены и вынуждены сдаться
Все-все. Как всё же тяжело порой
Нам выбирать – сдаваться иль стреляться...

«Что пасть?! Смешно, нелепо... Будем жить!», –
И командир всех вывел с белым флагом –
Его успели из исподних сшить
Своих рубах и вышли шаг за шагом.

И вот в кольцо их приняли штыки,
И смерть уже отхлынула на время.
– Вы все сдались? – спросили их враги.
– Не все: один – он не пошёл со всеми.

Ему послышалось – в той песне всё не так,
Но разве вразумишь ему такое! –
Нет слов таких, а он поёт, чудак,
Что не сдаётся барабанщик Коля...

* * *

Тогда он не спрятал от смерти лица, –
В ответ же – стenanья и ропот.
Как петли, у всех заскрипели сердца –
Он вышел за двери окопа.

Потом ещё двое, ещё и ещё –
И встали ряды за рядами.
И ярость катала на скулах их щёк
Свои желваки: мы их давим!..

И много прошло с той поры самой лет...
Оркестр сияющей меди
В день самых Великих на свете побед
Нам песнь заиграл о победе.

Роптали девицы в ажурных чулках,
Пижончик при пиве и с дамой.
И сам я, признаться, вставать был не «ах»,
Когда вдруг поднялся тот самый.

Он встал, не спеша, покачнувшись едва, –
Старик-ветеран с сединою.
Моя закружилась тогда голова,
Когда встал и я... и со мною.

И слёзы мои покатились со щёк
От радости за соучастье:
Вставали за ним, и ещё и ещё...
И в этом, вы знаете, счастье!

СВЯТАЯ ОЛЬГА

*Великие князья до Ольги воевали:
Она правила государством.
Н.М. Карамзин*

На Великой реке, где Выбúты
Слышат песню воды день и ночь,
В дорогие для мира минуты
Родилась у Россиюшки дочь.

Ольга, Ольга, могучие силы
Ты впитала от псковской земли,
Чтоб великую силу России
Все народы увидеть смогли.

Только раз ты – за Игоря – мстила.
После – правила твёрдой рукой.
Русь Великая силы копила,
Обрела тишину и покой.

Ольга, Ольга, своею судьбою
Ты хранила Руси доброту;
Ты недаром зовёшься Святою –
За святую души красоту.

Ольга, Ольга, во славу народа
Ты Россию сумела поднять,
Ты училась добру у природы
И учила Россию, как мать.

Поклонюсь я и долгу, и полю;
Небеса и леса воспою...
Доброту, и заботу, и волю
В каждой женщине вижу твою.

СОЛНЦЕ ВЗОШЛО

Как древо жизни мощными корнями
Уходит прочно в глубину земли
И вверх растёт могучими ветвями,
Неся в простор извилины свои,
Так величаво, древними годами
Обнявшись крепко с бездною веков,
Задумавшись седыми куполами,
Стоит старинный русский город Псков.

Как русский витязь и меча, и слова,
Сражался, защищал и побеждал...
И поднял грудь вдоль берега крутого
Стены кремлёвской неприступный вал.
Ты помнишь, как кровавые былины
Тебе несли истории ветра,
Как Невского победные дружины
У врат кричали громкое «ура».

И молодое солнце над тобою
Взошло и льёт сияние своё,
И смотришь ты историей живую
На озорное жизни бытиё.
И, просветлев разбуженной душою,
Седой не опуская головы,
Ты радуешься миру и покою
На берегах Великой и Псковы.

СВ. АЛЕКСАНДРУ НЕВСКОМУ — СОЛНЦУ ЗЕМЛИ РУССКОЙ

В высокий час высоким песнопеньем
Любой народ и каждая страна
Произнесут с мольбой, с благоговеньем
Заветные святые имена.

У нашего российского народа
Один герой воистину велик,
И ярче, и светлее год от года
Его великорусский строгий лик...

Как будто бы душа твоя живая
Над всей страной – как яркая звезда,
С народом всю судьбу переживая,
Из века в век в пути его всегда.

Мы помним всё о времени суровом:
Как землю защищал ты от врагов,
Как немцев разгромил ты подо Псковом,
С триумфом возвратившись в гордый Псков.

Идя по неизведанным дорогам,
Мы нынче растеряли пол-Руси.
За свой народ, предстатель перед Богом,
В жестокую годину нас спаси!

Ты в каждый дом и в каждую обитель
Войди сегодня в наши сон и явь.
Святой заступник, ангел и хранитель,
От наших бед немыслимых избавь!

ПСКОВУ

Мой вольный Псков, лихи твои года,
И воином ты неспроста зовёшься.
И для Руси великой навсегда
Ты верным сыном был и остаёшься.

Суровые истории века
Несли восторг побед и огорченья...
Здесь Николая царская рука
Покорно подписала отречение.

И сразу знаменитым стал вокзал,
И красное над ним взметнулось пламя,
И Ленин слово вещее сказал:
«Из искры возгорится пламя...»

Ты помнишь славных братьев и сестёр,
Кто за твою свободу насмерть дрался,
Как жаркой революции костёр
На улицах старинных разгорался?

Кровавая гражданская война
И мировая раздавить хотела...
Здесь армия народа рождена –
О том в Крестах напоминает стела.

Мой вещий Псков, мудры твои года,
Богатырём ты неспроста зовёшься,
И для святой России навсегда
Ты верным сыном был и остаёшься!

СЛАВЯНСКИЙ ДУХ

Россия вспрянет ото сна...
А.С. Пушкин

... И самовласть рухнула стена.
Сбылась мечта! О, дерзкие славяне!
Святые на обломках имени
Написаны, и слава их не вянет.

Да, самовласть нет, но видит Бог –
Россия пребывает в наважденье.
Ещё мы спим, но сон уж не глубок,
И недалеко наше пробужденье.

Да, слава Богу, были на Руси
Герои, ясновидцы и пророки.
Сбылась мечта! Господь её спаси,
Но – грозные! – подходят сроки.

И время *то*, которое грядёт, –
Безжалостно – оно шутить не станет.
И племя наше вольное спасёт
Прозрение – о, мудрые славяне!

Не запада смердящий алчный нрав,
Что испокон славянский ум дурманит.
О, Пушкин, Пушкин! Вновь и вновь ты прав.
Страхните сон, беспечные славяне!

Окиньте взглядом Русь по сторонам:
Она костями усыпана – рыдайте...
Поведайте о Родине сынам,
Священное своё не промотайте.

Доколе будет запада паук
Живительными соками востока
Питать сей мир искусства и наук?
За что мы так наказаны жестоко?

Но смертный меч над всеми занесён.
Природа жаждет обновленья.
Славянский дух – он должен быть спасён
Во имя общего спасенья!

Проснитесь, братья! Вспряньте на нови,
Славянское сплотите братство!
Не утопите в собственной крови
Земли своей несметные богатства!

ПСКОВУ

Кто городам дарует имена?
Как у людей – по имени судьбина?
И с именем всю жизнь она едина,
Какие б ни настали времена?

Вот город женским словом нарекли –
Неважно, от чего его истоки, –
Но никогда не будет он жестоким,
Как мать он будет для своей земли.

А Пскову предназначена судьба
Быть воином, дозорным быть извечно,
Не раз бывал он шрамами отмечен,
Но закалила дух его борьба.

Как по весне, пробив покров земли,
Взнесёт над миром семя лист зелёный,
Так в древнем сердце, в битвах закалённом,
Есть место всепрощенью и любви.

* * *

Наш Северо-Запад.

То лес, то болото,
То луг заливной в частых шлемах стогов,
И русла извилистых речек, дремотно
Лежащих в объятьях своих берегов.

Наш Северо-Запад.

Озёра без края,
А где крутояр – древних крепостей след.
Их стены, глухим частоколом встречая,
Спасали древлян от нашествий и бед.

Наш Северо-Запад.

От века здесь занят
Трудом землепашеским каждый второй.
Другие края пусть красотами манят –
Мы связаны с древней землёю судьбой.

Наш Северо-Запад.

Заброшены пашни,
И лес наш повержен бездумной рукой.
Но край возродим мы усилием нашим,
Коль связаны с ним неподкупной судьбой.

Наш Северо-Запад.

Людские причалы.
В природе – в соседстве краса и печаль.
Из совести нашей – у речек начала,
От душ незлобивых – безбрежная даль.

* * *

Нам никуда от власти не уйти:
Есть государство – власть есть непременно,
И поколения сменяются посменно
На властном государственном пути.

Есть власть, и, вроде, правит всем закон.
Но семь грехов терзают человека.
На нас нисходят беды век от века,
Кто б ни взошел на злачный «царский» трон.

А мы, всё понимая, лишь молчим –
Что говорить тому, кто пьян от власти?! –
В плену мы равнодушья, безучастья,
Прощая власти, тоже зло творим.

Так что ж такое власть – добро иль зло?
Возможна ль без неё цивилизация?
И сохранится ль в этом мире нация,
Коль от разрух дыхание светло?!

Пророки давних, нынешних времён
России предрекают процветание.
Когда ж придёт к владыкам понимание:
Их долг – небесный чтить, земной – блюсти закон.

В ИЗБОРСКЕ

Легко плывут над Мальским облака.
То – отражение: взгляни – по водной глади
Две гордых птицы в свадебном наряде
Скользят, волнуя гладь воды слегка.

Журчанье струй, отрада и простор –
Как в час Божественного мира сотворенья!
Но не единожды в веках здесь шли сраженья,
А тишина – как прошлому укор.

Тропою торной к крепости иду –
Как мощно взмыли в высоту руины! –
Возникнут зримо прошлого картины,
Когда к стене, что в ранах, припаду...

Звон с колокольни церкви, звон мечей,
И стоны, и команды, гром орудий...
Здесь смертный подвиг совершали люди,
Чтоб не отдать врагам земли своей.

А мы туристами идём вдоль древних стен,
Здесь тихо так, волшебна и прекрасно,
И мнится: будет в мире безопасно,
И от судьбы не ждём мы перемен.

Уж так ли благостно у западных границ?
Европа предавала не однажды –
История Изборска нам расскажет,
Какие ветры мчат заморских птиц.

На страже быть, чтобы сберечь свой дом,
И дух крепить нам завещали предки,
А раны стен – истории пометки.
Изборск в дозоре. Вечном и святом.

* * *

*Возле одной из башен Изборской крепости
стоит часовня – памятник архитектуры XIV века*

Выбегала резво на пригорок
Не грустить – землёй полюбоваться.
Край родимый не оглянешь скоро,
Взору от него не оторваться.

Замерла – девчонка в белом платье,
В голубой косынке яркозвёздной.
Так стоит века. И так стоять ей
Жарким летом и зимой холодной.

... Суровела ты, всё понимала,
Если враг ступал на нашу землю.
Воинов на бой благословляла,
Словно мать, их боль и гнев приемля.

Давнее открылось в век крылатый:
Был твоим отцом народ-умелец,
От природы-матери взяла ты
Чистоту и ласковую прелесть.

Ликом и душой на них похожа.
Задержавшись у крутого склона,
Прошлым ты сердца людей тревожишь,
И как мир – светла и непреклонна.

НАШ КРЕСТНЫЙ ПУТЬ

Вот снова дождь.
Нет на него управы.
Июнь стекает каплями с небес.
И хоть кустятся, зеленеют травы,
Но пыл весенний
Начисто исчез.

Уже тревога
В сердце и усталость,
И мысль о бренности
Всего пути.
Так солнца хочется –
Его хотя бы малость!
Быть может, с ним
Нам легче путь пройти –

Наш крестный путь.
Судьбы крута дорога:
То поворот,
То пропасть впереди,
То слово недруга –
И вновь в душе тревога.
Всё ж счастлив будь
И лишь вперёд иди!

ПЕРВЫЙ КРИК

Всё
 подвергнув сомнению и смеху,
Разуверившись вдрызг,
Весь
 в тяжёлых железных доспехах
Выхожу на карниз,
 и – вниз!
На толпу,
 безразлично смотрящую в небо,
Закрывая лицо.
Был ли я? –
 всё за то, что я не был,
Чтоб не стать подлецом.

Свинцом
 сердце, которого нет,
Свинцом
 песни, которых не спеть,
И слова,
 прорастающие в других,
Как трава,
 как отравы,
 как первый крик.

Всё
 подвергнув сомнению и смеху,
Возвращаюсь в себя.
Весь
 снаружи подобен ореху,
Но меня раздробят,
 и – в яд!
Чтоб толпе
 за обедом преподнести
Его за гроши.

Всё же можно
 сквозь камни больные расти,
Только ты не спеши.

Пиши
 сердцу, которого нет,
Пиши
 песни, которых не спеть,
Ведь слова
 прорастают потом в других,
Как трава,
 как отравы,
 как первый крик.

Всех
 подвергнув сомнениям и страху,
Мрак ушёл, наконец.
Но не будет
 конца его праху
В закоулках сердец.

Истец –
 младший брат,
 (это – будущее моё) –
Открывает глаза.
Наши песни
 он, может быть, не споёт,
Но свои бросит в зал.

Живёт
 сердце, которое спас,
Живут
 песни, рождённые в нас,
Их слова,
 прорастают уже в других,
Как трава,
 как отравы,
 как первый крик.

ПИРАМИДА

Ну, а раньше были песни осторожные,
Было жить тогда непросто и несложно нам.
Голова – на ней треух, ноги – в валенках...
И сидела наша Русь на завалинках.

Всё меняется на свете – хорошо ли, плохо ли, –
Пирамиду архитекторы отгрохали.
Возводили по проекту, да с промашками,
И сложили пирамиду вверх тормашками.

Ну, а этим каково, бедолагам,
Что кормили вшей и блох по ГУЛАГам, –
Долгожданная настала свобода
С мятой шапкою стоять в переходах.

Обвалилась пирамида да на землю-матушку,
Раскатилась по кусочку, по камушку,
Горько плачет над убитым сыночком мать...
Время камни собирать, не разбрасывать.

Покатилися осколки на запад,
Сел двуглавый на российский на лапоть,
Лёг трёхцветный на глаза пеленою,
Что-то делят у меня за спиною...

Сверху строят подмастерья – всё ломается,
Снизу русские Иваны с браги маются,
Сверху макрогеометры-архитекторы,
Снизу пьяные Иваны за директора.

Я не знаю, чем закончится свара,
Неужели всё, что сделано, – даром?!
Не губи меня, змея золотая,
Таёт вера, как свеча восковая...

ИНТЕЛЛИГЕНТ

Буржуи пьют Наполеон,
А я – горючий самогон.
Едят буржуи сервелат,
И мармелад, и шоколад,

А я съедаю на обед
Пустые щи да винегрет –
Так кто я – нищий? Вроде – нет.
Я хуже – я интеллигент!

Мне б на базаре торговать,
Тогда я смог бы пить и жрать,
Костюмчик справил – первый сорт,
Купил бы «Вольво» или «Форд».

Но я не слушаю совет
И ем дешёвый винегрет.
Так кто я – псих? Да вроде – нет.
Я хуже – я интеллигент!

Я продаю свои мозги
И покупаю башмаки,
Уже побитые судьбой,
И свой последний золотой
Я трачу на ночной постой
В монашьей келье холостой,
Где много книг и стол простой...

Но светит верная звезда,
А остальное – муть-вода!

КУДА ИДЁШЬ ТЫ, РУСЬ, СКАЖИ?..

Куда идёшь ты, Русь, ответь?..
По взгорьям от амурских сопок
Уже полжизни, а не треть
Иду с тобою я бок о бок.

В тебе перебродила грусть
Давно. И, став сама бродяжкой,
Куда сейчас идёшь ты, Русь,
Вздыхая на ухабах тяжко?..

Куда идёшь, хоть мне скажи,
То – падая, то – спотыкаясь,
Украдкою безмолвно каюсь
В былых грехах больной души...

Что будет завтра, что – теперь?..
Вон, видишь, свет, но – для тебя ли
Оставили открытой дверь,
Печь протопили, дом прибрали?..

Не для тебя ль? Не для того ль?..
Чтобы отсюда восвояси
Никто не гнал. Чтоб стихла боль
На плачущем безмолвно Спасе.

Куда идёшь ты, Русь, скажи,
В убогом рубище, босая?..
Во чистом поле – ни души,
А над тобой – воронья стая...

И надо мною – вороньё,
С пути бы истины не сбиться...
Держись, Отечество моё,
Ведь друг без друга нам не сбыться.

* * *

От похорон живём до похорон,
Нам не сойтись без горьких предисловий.
Плывёт над Русью поминальный звон –
Звон вдовый.

Живём, последних лет вдыхая гарь –
Бесправье, безразличие, безнадёгу ...
Но по ночам луна, как пономарь,
Подводит к Богу...

И свечи жжёт за каждого из нас –
Не отводи растерянного взгляда,
На звёздный посмотри иконостас,
Я встану рядом...

Увидим, как светлеет горизонт
И простотой Божественного Слова
Как Благовест польётся чистый звон
Над Русью снова...

С небосвода упавшие звёзды
Средь холмов и крестов не найдёшь.

Разрастаются в поле погосты,
А когда-то здесь сеяли рожь...

Тишиной величавого Крома
Вновь на сердце тревога легла...
Мне во Пскове всё с детства знакомо –
Сеть проулков, сады, купола...

Как зимою июльское солнце –
Средь прохожих встречаются те,
Кто открыто в ответ улыбнётся
В невесёлой мирской суете.

И душа отворится без стука,
Сразу станет невидим порог...
Как же мало мы знаем друг друга,
Как же каждый из нас одинок!..

ИЗБОРСК

В бору грибов – косой коси...
По древним меркам крепко
Стоит на западе Руси
Изборск – израненный, как воин.

Того, что было, не избыть,
Война катилась за войною
Устал от битв,
Но как же быть,
Коль вся Россия за спиною.

Таится меч в его руках.
И до сих пор врагам он страшен.
Ведь сколько их легло в веках
У стен его, у грозных башен.

И знает разве краевед,
Чего здесь стоит каждый выступ.
Немецкий рыцарь, лях и швед –
Какая прорва шла на приступ!

На запад глядя сквозь леса,
Стоит он в каменной кольчуге.
И упираясь в небеса,
Холм Русской Славы встал в округе.
С родной землёю сердцем слит,

Какая б ни свистела вьюга,
Стоит Изборск.
И Русь стоит.
Не отдадут они друг друга.

БЛАЖЕННЫЙ НИКОЛА САЛЛОС

Не спит опальный древний Псков:
Всю ночь в слезах и на коленях
Проводят кривичи в молениях,
Закрыв ворота на засов.

А утром колокол-набат
Поведал в ранний час морозный:
У стен со свитою царь Грозный,
Он медленно въезжает в град.

Все пали ниц. Тревожный звон
С церковных колоколен льётся,
И страхом, болью отдаётся
В сердцах, стучащих в унисон.

Вдруг из толпы перед царём
Юродивый, без тени страха,
Поднялся в порванной рубахе,
Нос вытирая рукавом.

Он мяса протянул кусок:
«На – ешь... Кровь пьёшь ты человечью...»
Отпрянул царь, лишившись речи,
Не ожидал такой он встречи...
Блаженного не изувечил
И Псков не разорил, не сжёг.

РОЖДЕСТВО В ПСКОВЕ

Детвора на улице резвится,
Над землёй – снежинок торжество,
А душа от радости лучится:
Светлое настало Рождество!

Псков укрылся праздничным покровом,
Колокольным звоном напоён,
И теперь, в своём обличье новом,
Как и встарь, опять прекрасен он!

Город мой! Уж ты ли не достоин
Почестей небесных и земных?
Созидатель, миротворец, воин,
Колыбель героев и святых!

И шепчу, душой ликуя, снова:
Нет земли на свете лучше – нет!
И ложится снег на плечи Пскова
Памятью давно прошедших лет...

У ПАМЯТНИКА КНЯЗЮ-ПОБЕДИТЕЛЮ

В сердцах людей, в сказаниях, во фресках
Святая память сотни лет живёт
О том, как славный Александр Невский
Крушил врагов, мостя телами лёд...

Вот и теперь, восстав в обличье прежнем,
Стоит Великий князь, как Пскова щит,
И, будто символ веры и надежды,
На запад победителем глядит.

НАД ПСКОВОЙ КРУЖАТСЯ ОБЛАКА

Белой ночи серебряный свод
Опустился неслышно над Псковом.
У реки кто-то песню поёт,
И слова, и мотив мне знакомы.

Есть на свете другие края,
Но они не сравнятся с тобою.
Псковский край – это песня моя,
Что звучит над Великой-рекою.

Этим воздухом Пушкин дышал,
Здесь его вдохновенье таилось,
И сегодня поэта душа
Нам любовью к отчизне явилась.

Колокольного звона хрусталь,
Музу Пушкина с Псковом венчая,
Дивной песней уносится вдаль,
Милый край на века прославляя.

Над Покровской кружат облака,
И она, величаво-седая,
Как царица, глядит свысока,
Славу древней земли вспоминая.

И плывут облака не спеша
Над святыми местами и Кромом.
Если есть у России душа,
То она называется Псковом.

Снова утро над Псковом встаёт,
От Великой прохладой веет.
Пусть земля моя вечно живёт
И годам вопреки молодеет.

Есть на свете другие края,
Но они не сравнятся с тобою.
Псковский край – это песня моя,
Что звучит над Великой-рекою.

В ЧАС ОСОБЕННЫЙ У СВЯТО-ТРОИЦКОГО СОБОРА

Вижу Троицы храм я из окон своих
каждым утром и вечером каждым:
возвышаясь, стоит в окруженье седых,
неподкупных и доблестных стражей.

Так бывает, что мне, супротив тишине
и покою – в дому не сидится,
в свете солнца лучей или белых ночей
я собору иду поклониться.

Вот я рядом; наверное, в тысячный раз
пред величьем колени склоняю,
но как будто впервые, в особенный час,
сил душевных прилив получаю.

Может, чудо? Как знать, и не стану гадать,
но с любовью и верой приемлю:
есть основа основ, что хранит древний Псков
нашу память и русскую землю.

ВЕСНА В ИЗБОРСКЕ

Над Изборскою долиной,
Медью сбруи чуть звеня,
Конь крылатый – дух былинный
Мчится отблеском огня.

На коне крылатом всадник,
Весть приносит день за днём,
Что в Изборск приходит праздник,
Что трубе играть подъём.

Что спешить за стены людям
На потешные бои
И сшибаться смело грудью,
Славя доблести свои.

А потом под городищем,
Где озёрный тает лёд,
Конь-крылат прохладу ищет,
Ледяную влагу пьёт.

Солнце к башням льнёт, ласкаясь,
Серый камень золотит,
И певцов пернатых стая
На Словенские летит.

ИЗБОРСКИЙ ТРИПТИХ

Под стенами изборскими полянами – целебная трава,
Над стенами – бездонная, зовущая в полёты синева,
Меж синевой и зеленью – и старина, и дней текущих новь,
О, древний край – щемящая, ниспосланная Господом любовь!

* * *

Он, Трувор-князь, предвидел сквозь столетья,
В Изборск седлая белого коня,
Что Русь пройдёт все беды-лихолетья,
Свои Святыни преданно храня.

* * *

Здесь боевые кони века назад паслись,
Презревших страх героев взлетали души ввысь,
Двенадцать струй целебных – Словенские ключи...
Наследство сохраните, родные псковичи!

К 500-ЛЕТИЮ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ПСКОВА К МОСКОВСКОМУ ГОСУДАРСТВУ

*«Псков никому на милость не сдаётся,
и ни к кому не ходит на поклон»
(Александр Гусев. «Псковские фрески XIV века»)*

Летописец, как сурово
О судьбе ты пишешь Пскова:
Видно, вправду велика твоя печаль...
Но потомки, в суть вникая,
Всяк, что ближе, восхваляют:
Аверс, реверс – двусторонняя медаль.

Но не канут в Вечность, други,
Пскова ратные заслуги:
Ведь не раз он Русь Святую защитил!
Лишь пред Грозным он склонился –
Воли-волюшки лишился:
Был свободою наш Псков царю не мил...

За Персями вечевая
Площадь, тяжко изнывая,
В дни лихие те терпела царский гнёт.
И никто теперь не взыщет
За разор и пепелища.
«Эй, опричник, жги, гони – настал черёд!..»

Мокрый ветер камень точит,
Разметая сумрак ночи,
Флюгер мечется, забывши про покой;
Грома вешнего аккорды
Слышит псковский прапор гордый,
Рея вечно над Великою-рекой!

10-ЛЕТИЮ ПОДВИГА 6-й РОТЫ

Я просыпаюсь с пламенем в глазах:
Мне снова снились огненные маки,
Растущие на выжженных камнях, –
Свидетели психической атаки.

На склонах почерневшей высоты,
Что вспорота разрывами снарядов,
Являются мне алые цветы,
А среди них – все девяносто взглядов.

«Ну, вот и славно, – говорю, – сынки:
Опять вы вместе, как тогда, до боя.
И до чего ж вы молоды, крепки,
Хоть каждому давай звезду Героя...

Нет, нет – не слёзы это: милуй Бог!
Наверное, туман ползёт в ущелье...
Я вам слова какие-то берёг
И попросить хотел у вас прощенья,

Да только вам оно уж ни к чему –
И даже тем из вас, кто жив поныне...
Позвольте, помолюсь тогда Ему,
Как молится седой отец о сыне...

О, Господи! Даруй им небеса
И память светлую им сотвори навечно!»
И пусть мне снятся маки, а слеза
И горькой будет пусть, и быстротечной...

ПАМЯТИ САВВЫ ЯМЩИКОВА

*«Опять июльский бред, жара под небеса»
(«Июльский бред». Елена Евсеева)*

А проблема не в том,
что июльской жарой одурочены,
говорим день за днём
лишь затем, чтоб молоть языком,
в оправданье себе
в том, что так легковесно потрачены
те подарки судьбы,
что она приносила в наш дом.

И проблема не в том,
что без совести жить мы обучены,
не скрывая лица,
даже если обман выдаёт,
что в системе порук
люди-пешки, как винтики, скручены –
не прожить чудаку,
если против системы встаёт.

Суть, признаемся, в том,
что когда завершатся баталии,
отыграет оркестр
чудаку похоронный мотив,
ощутим пустоту,
станет тускло в душе и так далее...
Мы-то все – в никуда,
а чудака – он в преданиях жив.

СОСКУЧИЛОСЬ СЕРДЦЕ ПО ПЕСНЕ

*Посвящается 100-летию первого
певческого праздника 1911 года в Пскове*

Сыграйте мне песню, сыграйте,
Чтоб жаром в крови, как огнём,
Душа обжигалась, и знайте:
Без этого мы пропадём.
Нет песни в обыденном пении –
Лишь ноты да тексты – и всё.
А сердце зовёт к упоенью,
Соскучилось сердце моё!

Во времени суетно-дерзком,
Что вторглось, меня не спросив,
Мне вспомнился горн пионерский
И «взвейтесь кострами» мотив.
Уж что в нём такое, не знаю,
А рокеры бросят: старьё...
Но сердце моё замирает,
Соскучилось сердце моё!

Сто лет я не слышал такого,
Ах, где он, тот певческий год?
И всё же на улицах Пскова,
Я верю, народ запоёт.
Увижу глаза дирижёра:
Взгляд-вспышка, копыя остриё, –
И – «Славься!» – в дыхании хора!
...Соскучилось сердце моё.

О РОССИИ

О России писали и будут писать, –
Слава Богу, что тема ещё не исчерпана.
Да и может ли сгнуть, истлеть благодать,
Обратясь в непонятную плоскость ущербную,

На которой уже не взойдут никогда
Ни здоровые злаки, ни зори лучистые, –
Лишь застынет беспмятство как пустота
И накроет пространство опавшими листьями.

И уже никогда не наступит весна,
И уже никогда не раскроется лето...
Нет, не может исчезнуть такая страна,
Где на каждом углу можно встретить поэта.

Где способны ещё проследить по корням –
Как, насколько вросли они в русскую землю,
На которой – спасибо княгиням, князьям –
Мы Господнему Слову с усердием внемлем.

О России писали и будут писать, –
Мы и сами немало о ней написали.
Слава Богу, что не дано нам исчерпать
И величия в ней, и глубокой печали.

СЧАСТЬЕ

Счастье должно быть огромным, как солнце,
И, так же, как оно, проникать во все уголки;
Потому что каждый, кто для этой жизни
создан,
Имеет право на прикосновение – нет, ни
десницы, но – руки.

И если касание будет холодным,
Как осенний дождь или поцелуй уходящей
навсегда любви,
Трудно рассчитывать на то, что будешь
свободным,
И, что жизнь обретёт полноценные
очертанья свои.

Счастье должно быть доступно, как солнце.
Как воздух для дыхания, как пища и вода:
Его не заменит ни пресловутый социум,
Ни удовлетворение от собственного труда.

Счастье – это апофеоз гармонии,
Это высшая точка просветления души.
Это симбиоз рождения и агонии,
Это отрешение от притворства и лжи.

Не потому ли на утренней зорьке
Или на вечерней, встречая и провожая
Солнца лучи,
Жизнь кажется такой необъяснимой
и горькой,
Как огарок постепенно тающей,
поминальной свечи.

ХРИСТОС И ИУДА

*«...что делаешь, делай скорее»
от Иоанна, гл. 13, ст. 27*

Не предал, а передал – вот в чём нюанс...
Решивший судьбу христианства.
И этот вселенский, единственный шанс
Рассек пополам всё пространство.

Одни потянулись сквозь тьму к небесам,
Другие – сквозь свет в преисподнюю.
Одни – по оставленным Богом следам,
Другие – по дьявольским сходням.

И пусть говорят, что Господни пути
Неисповедимы для смертных, –
Они продолжали упорно идти,
Теряясь в догадках несметных.

Они постигали всю боль на земле
И тем безысходных детали.
Их били, топили, топтали в золе
Костра, на котором сжигали...

Но разве затопчешь свечение душ
И разве загасишь бессмертье?
Все знают, насколько Господь всемогущ
И как вездесущ в милосердьё.

А спор продолжается... Двух тысяч лет,
По-видимому, не хватило,
Чтоб людям уняться и выйти в свет,
В котором и вера, и сила.

По-прежнему мир разделён пополам,
Две чаши колеблются в мире –
Одна тяготеет к Христовым стопам,
Другая погрязла в цифири.

Не зов колокольный, а золота звон
От чаши подобной родится.
И меркнут от копоти лики икон,
И сера в поддоне дымится...

Не предал, а передал – вот перевод
Буквальный и точный сегодня.
Иуда исполнил начертанный ход –
На то была воля Господня.

РОДИНА МОЯ

*Две границы пройдено, ключьями рубаха.
Здравствуй, тётя Родина, я из Карабаха...
За подкладкой сотенка. Движемся, хромая.
Что ж ты, падла тёленька? Али не родная?*
Евгений Лукин

Нарядилась речка в свет заката,
Осияньем лунным лес одет...
Родина, ну чем ты виновата,
Что распята на кресте из бед?..

Чем ты провинилась, дорогая,
И кого обидела, скажи?
Может, виновата золотая
Нива колыхающейся ржи?

Аль не хороши твои восходы?
Аль не звонок в роще соловей?
Почему раздрай среди народа
Вдруг виной становится твоей?

Коль война – горишь на поле боя,
Если пир – и у тебя гульба...
Нашей человеческой судьбою
Для тебя верстается судьба.

Нет вины в заре твоей крылатой.
Не виновен белый шум берёз...
Почему извечно ты распята
На кресте из кровушки и слёз?..

*Есть у родной природы опыт –
Больную душу врачевать.
Николай Рачков*

Заломили рученьки осины.
Опустились руки у берёз.
Не избыть нам горяшка в России
Ни мольбами, ни ручьями слёз.

И за что нам это наказание? –
То война, то мор, то воровство,
То в святой Руси – святынь изгнание,
То вогнание люда в бесовство.

Испоконно Русью помыкая,
В царедворцах – плут да казнокрад...
А заря течёт, как мёд, густая.
А снега алмазами кипят.

И от русской светлости безбрежной
На душе растаивает лёд,
И встаёт разбитая надежда
На крыло, чтоб ринуться в полёт.

Потому средь бед и выживаем,
Что нас укрепляет, как крестом,
Наша ширь и наша синь без края,
Наша даль в сиянье золотом!

ЯНВАРЬ 1815 ГОДА

*Двухсотлетию Царскосельского Лицея
(1811–2011)
посвящается*

Кружился снег, весёлый и густой...
И Царскосельский парк как будто замер.
И сад лицейский странно был пустой –
Лицей держал ответственный экзамен.

Волнуясь и затаивая дых,
Юнцы, как лист осиновый, дрожали;
Среди экзаменаторов седых
Полудремал сам старичок Державин!?

Кто Римским Правом судей удивлял,
Кто теорему доказать старался...
Но их предмет его не занимал –
Он в полудрёме скучной оставался.

Вдруг, как от грома, встрепенулся зал!
На слушанье литературных знаний
Свежо и звонко Пушкин представлял
Свой даровитый стих «Воспоминаний...».

Читал, не замечая ничего...
И от восторга стёр слезу Державин.
И день январский осенял светло
Певца новорождённого Державы.

И Муза зажигала свой светец
Ему, мальчишке с головой кудрявой.
И Ангел примерял ему венец
Из терний колких и грядущей Славы!

КОРНИ

Одни, простившись с русским краем,
Уехали за океан.
Другие – в благостный Израиль,
А третьи – в аглицкий туман...

Их род – оттуда. Там – их корни.
Они тут жили без корней
И оказались всех проворней,
Поскольку без корней – вольней.

Теперь они хулят всё рашен.
Есть среди них мои друзья.
Друзья, правдивы речи ваши,
Но это – Родина моя.

Мои-то корни здесь, в России,
В моей деревне небольшой
С большим просторным небом синим,
С отцовским садом и межой...

Есть радость и печаль, и слёзы
Здесь, где живу и где пою,
И где счастливые берёзы
Шумят за то, что на корню.

Дельцы здесь землю покупают
И пере-перепродают...
Но я-то знаю, я-то знаю –
Не започтут их души тут.

Здесь хлеб мои растили предки,
Меня качала здесь волна.
И я – на древе здешнем ветка,
И потому я здешним ветром,
Просёлком пыльным, лесом редким,
Корнями здешними – сильна!

* * *

В окне – луна. А в комнате – лампадка.
И тишина, повсюду тишина...
Душе моей и горестно, и сладко,
На радость и печаль – душа одна.

Ей горестно за то, что на Россию
Летят ветра не с доброй стороны,
Что люди и чужие, и родные
Какой-то странной колкости полны.

Душа болит, что чёрствость поразила
Людские мысли и сердца, и дух.
И стало мало простоты и мира,
И чья-то пошлость не смущает слух.

А хорошо душе моей и сладко
За то, что в ней – надежда и любовь,
И в комнате у образов – лампадка,
И тишиной объят ночной покров.

* * *

Русь моя, тыщекрылая мельница,
Боль-беда в жерновах твоих мелется.
Облапошена вся ты, обшарена
И своим, и чужим полушарием.

Ты больна подлецами и хамами.
Ты сильна мудрецами и храмами.
По-есенински светлая, нежная,
А по-разински, Русь, ты – мятежная.

Ты извечно с судьбою полынною,
Ты извечно с тоскою былинною,
И душа твоя вечно скорбящая,
Потому, знать, ты, Русь, не пропащая!

НА ЛАДОНЯХ РУСИ

На ладонях Руси, где болота и лес,
Где крутые холмы достают до небес,
Древний город родился и в битвах мужал
И с отвагой набеги врагов отражал.

Глядя с ближних лесов на узорочье крыш,
Враг вздыхал: «Град велик – он совсем, как Париж!
Вот бы город такой нам самим занять!
Помоги же нам, Боже, его одолеть!»

Только град никому не дано покорить,
Как Пскову и Великую не разделить,
Он поныне хранит верность древним словам
На старинном мече: «Честь свою не отдам»!

СТАРЫЙ ОЛЬГИНСКИЙ МОСТ

Хребет моста причудливым созданием
Склонился над свинцовой водой,
И в дымке сна, укрывшей мирозданье,
Он, как живой, беседует со мной.

Он, как дракон, стоит на мощных лапах,
Щетиня яркий гребень фонарей,
Он хочет стать когда-нибудь крылатым
Или змеей скользнуть на дно морей.

Страхнуть людей, назойливых, как мошки,
Встать на дыбы и спину распрямить,
Покинуть пост с самодовольством кошки...
Я не могу ни в чем его винить.

Этот древний город твой и мой.
Ровно тысячу и сто лет
Льёт над русскою святой землей
Православных куполов свет.

Тихи улицы его в дождь,
Белы улицы его в снег
И светлы, когда весну ждёшь,
На берегах у голубых рек.

И седой, и вечно молодой
Город-воин, город-оберег
По-над реками, Великой и Псковой,
Вдаль плывёт, в свой золотой век.

У ВОРОНЬЕГО КАМНЯ

*«...и бысть сеча зла...»
(из старинных летописей)*

Нам негоже ходить под врагами, одетыми в латы!
Александр дружину за Русскую землю ведёт.
Берегитесь, псы-рыцари, в шлемах зловещих, рогатых,
Нынче солнце – не солнцем! – возмездием к небу взойдёт.
Враг надменен и горд, но он будет бежать от погони,
Оставляя надежды и взятые в плен города.
Загребая копытами лёд, к небу вздыбятся кони,
Чёрным рыцарям – чёрною бездной чудская вода.
И когда у Вороньего Камня на Узмени солнце
Показалось едва, начиная привычный свой круг,
Грудью храбрые русичи ринулись в бой на ливонцев
И попятились те, удивляясь, как быстро бегут.
И на запад, на запад, на запад относит их сеча,
И струится по русским челам с солью смешанный пот,
И сдвигаются льды, всё на свете круша и калеча,
Добивая врагов, и от крови их плавится лёд.

ХРАНИ РОССИЮ, ПСКОВ!

Наш вольный град, прославленный в сраженьях
В века лихие, зодчий и герой, –
Он стал земли великой продолженьем,
Объединившись с матушкой-Москвой.
И всю беду, что с Запада грозила,
Встречала Пскова каменная твердь,
Но не в стенах, а в людях псковских сила,
Что за победу смело шли на смерть.
Форпост России, щит её надёжный,
Отныне, присно, до конца веков –
Всегда на страже мира в час тревожный,
Хранит Россию Псков!

ПСКОВСКАЯ ЗЕМЛЯ

О, Псковщина! Душа тебя поёт,
Старинный край, украшенный церквами, –
Они, как лебеди, что вдруг взмахнут крылами
И – в небеса с хрустальной глади вод.

Храни себя и свой храни народ.
Цвети, земля, где вечно святы храмы –
Белы, воздушны, выправкою прямы,
И куполами Троицкий плывёт!

Любят ли дворники листья,
Что на газонах лежат?
Вечно асфальт от них чистят,
А листья летят и летят.

Жёлтые, рыжие, лисьи –
Масти почти что любой,
Кружат без усталости листья,
Мир устилая собой.

Видно, у листьев работа –
С неба сорвавшись, лететь.
Дворникам, видно, забота –
Мётлами землю вертеть.

И, не ругая природу
За листопадный сезон,
Дворник в любую погоду
Чистит и двор, и газон.

Он день-деньской собирает
Листья в огромный мешок –
Будто для нас повторяет
Всеми забытый урок.

Кто-то его сторонится:
Дворнический труд – не в чести!
Вот бы нам всем научиться
Землю родную мести!

* * *

Где Пскову быть? –
Нас предки не спросили:
Пришлись по нраву красота и ширь.
И город встал на рубежах России
И грудь расправил, словно богатырь.

Не звал в князя
Наёмников варяжских,
Не выносил гостинца на причал.
Он медным барсом – символом бесстрашья –
Шатры высоких стрельниц увенчал.

Свистели стрелы ханов половецких,
Но выжил Псков –
Лишь стал белей виском.
И спесь
Зловещих рыцарей немецких
Ушла на дно на озере Чудском.

Король литовский
Гнал войска на приступ,
Ломился швед, безумством обуян...
Но и во веки вечные и присно
Не одолеть упрямых россиян.

Кончался бой. Стихало поле брани.
На кручах пировало воронье.
Чинили дружно крепость псковитяне
И ставили солидное жильё.

Боготворили родину святую
И правили торговые дела.
И звонари играли плясовую,
Не уставая бить в колокола.

Тут что не так – и вывернут оглоблю:
– А ну, купцы, проваливай быстрее!
Цари в Москве глядели исподлобья
На вольности кудрявых скобарей.

БАШНИ ИЗБОРСКОЙ КРЕПОСТИ

Вдоль древней крепости Изборской,
Над гладью двух седых озёр,
Храня в веках собор Никольский,
Стоят шесть башен – шесть сестёр:

Всех старше – Луковка-сестрица
Из-за высоких стен глядит:
Ей и сейчас, наверно, мнится,
Что от врагов мирян хранит.

Рябиновка, Темнушка, Вышка –
Сестрицы – не-разлей-вода:
Не пробежала б даже мышка
Меж них в те дальнее года.

На Колокольной башне звоны,
В сплошной соединяясь звук,
Неслись окрест во время оно –
И мчался на подмогу друг.

Талавская, шестая башня,
Звалась Плоскушкою тепло:
В её захабе силы вражьей,
Ох, как немало полегло!

Вдоль древней крепости Изборской,
Над гладью двух седых озёр,
Храня в веках собор Никольский,
Стоят шесть башен – шесть сестёр...

ИЗБОРСКО-МАЛЬСКАЯ ДОЛИНА

Холмы, пригорки и низины,
Тропинок тонких паутины,
Часовни, башенки, церквушки,
Озёра, речки и речушки,

Ключей целебное монисто
И змейки пёстрые туристов –
Такою видится долина
Летящей стае журавлиной.

ТРУВОРОВ КРЕСТ

«Царь, Славы, Ника,
Иисус Христос» –
Гляжу на крест пятнадцатого века
И задаю сама себе вопрос:

«Кто под плитою древней упокоен
И спит под нею много сотен лет?»
Гласит преданье: Трувор – князь и воин.
Возможно, – да, но, может быть, и нет.

Здесь городище Труворово рядом –
Оно вросло корнями в глубь земли:
Огромный холм, что не окинешь взглядом,
И белый храм со звонницей вдали.

Раскину руки, словно птица – крылья,
И приложусь к целебному кресту
И, наполняясь небылью и былью,
Святой земли впитаю красоту!

КРОМ

Души чистые, руки крепкие
Возводили те стены древние;
Возводили их по-над кручею
Мужи славные да могучие.

В стенах каменных не сочтёшь бойниц,
Чтобы враг не смог преступить границ,
Чтобы падал он навзничь да ничком,
Не сумев войти в славный древний Кром.

За Великими за воротами,
За захабами с поворотами
До небес собор возвышается –
Домом Троицы величается.

Этот наш Собор – православный храм,
Ольгой праведной был завещан нам.
Каждый божий день служат службу в нём,
Поминают всех, кто почил за Кром.

ПРИКАЗНЫЕ ПАЛАТЫ

Отдохну, отдышусь на ступенях крутых –
Поднимусь на площадку Палат Приказных.
Поддадутся тесовые двери с трудом –
Я тихонько войду в белокаменный дом.

На решётчатых окнах задержится взгляд.
Тишина. Лишь слегка половицы скрипят...
В доме этом теперь – непривычный покой,
А когда-то здесь жарко бывало порой...

Здесь сменилось немало тогда воевод –
Многих помнит и нынче российский народ.
А подьячие там документы вели
До потомков сундучную всю донесли.

Повидали палаты немало врагов –
Звон с колодницей шёл от цепей и оков...
Да, бывало здесь жарко когда-то порой,
Но сегодня царят тишина и покой...

У СТЕН ПСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

Я к воротам въездным от Палат Приказных
По дороге пройду, не спеша,
И за Власьевской башней, у стен крепостных
Встрепенётся в восторге душа!

Как же строг и красив древний город наш – Псков!
Как наш Кром и могуч, и велик!
Сколько б лет ни прошло, ни минуло б веков, –
Не иссякнет России родник!

ОСЕНЬ

Осень в силу вошла, привнося тёплых красок в природу,
Но бывшего тепла ей, увы, до весны не вернуть –
Скоро пышный наряд, прихотливому ветру в угоду,
Сбросит наземь она, помогая деревьям уснуть.

А пока... а пока не померкли пурпур и багрянец,
И ещё журавли не пропели прощальную песнь,
Не успел отразить их реки холодеющий глянец,
И позёмка не шлёт о зиме ещё грустную весть.

Не единое, верю, мгновение вечностью станет,
Отшумит листопад, предваряя снежинок полёт,
А природа шагать от весны до весны не устанет –
Отчего же печаль тяжким грузом мне сердце гнетёт?

Нескончаемый дождь переполнит отчаянья чашу,
Превратившись в слезу, до утра не позволит уснуть:
Нет нигде в целом мире любимей России и краше –
Только как ей обратно величье и славу вернуть?

* * *

Шумят пороги, каменисто дно,
Как в те года, когда давным-давно

В Выбутской веси родилась она;
Ей пела колыбельные волна,

Качала в лодке, бережно храня,
В просторы незнакомые маня...

Ночами Ольге снился дивный сон:
В вечерней дымке показался он –

И смолкли чайки, замерла душа:
Она спешит к обрыву, чуть дыша...

Наверно, так оно и было:
Вода холодная бурлила,

Качалась лодка у причала,
И Ольга что-то отвечала;

Князь синеглаз и ликом светел:
Они – одни на целом свете...

Всё так же каменистый берег крут,
По-прежнему кого-то лодки ждут,

У ног прозрачный родничок журчит,
Вдали негромко колокол звучит,

И лебедь белый по реке плывёт –
Лебёдушку свою к себе зовёт...

ГДЕ НАШ РОД?

Манит даль васильковая, где отава шёлковая,
А дорога рисковая – это Русь.
Над равниною вешнею, над судьбиною здешнею,
Над родною черешнею веет грусть.

Равнодушие крамольное, Русь хмельная и вольная,
Чем же ты недовольная, где народ?
Есаулы и сотники, землепашцы и плотники,
Где мужчины – работники, где наш род?

Напускание грозности и намёк в одиозности,
Или нету серьёзности? Русь в беде.
Много миру отдавшая, за друзей хлопотавшая,
Где державность пропавшая? Нет нигде.

По крупицам, по малости, прекращая все шалости,
Русь храня от усталости, как оплот,
Нам теперь постараться бы
Лишь с надёжными братцами,
Крепко духу набраться бы – и вперёд!

МАТЬ-РОССИЯ

Неописуемые дали,
Пути равнинные,
Где мы воочию узнали
Дороги длинные –
От Гдова до Владивостока,
От града Невеля,
Они от Запада, Востока,
От Юга, Севера.

Какие здесь гремели брани
Перипетийные.
Стояли славные славяне,
Они – стихийные.
И было общее моление,
Свои потешности,
Врагов несметных впечатление
О светлой внешности.

Грущу по поводу иного
Следа огромного –
Всё меньше взгляда голубого,
Всё больше тёмного.
А коренных бы опросили –
Здесь бедность равная.
И всё же, мать моя – Россия,
Она – державная.

ИСКОННЫЙ ДОМ

На лад старинный звать его Плесков,
Он и теперь звенит колоколами.
Наш древний Псков из памяти веков
Глядит пятью большими куполами.

Суров российский западный простор,
Прижился здесь навеки род наш кровный.
Со всей округи Троицкий собор
Далёко виден, как маяк духовный.

Здесь наша крепость, наш исконный дом!
Устало день смыкает свои вежды.
Мы по проспекту Рижскому идём,
Сверяя с миром лучшее надежды.

А псковский нрав по-северному строг,
Но здесь с рожденья знает каждый житель,
Что вдохновенье с пушкинских дорог
Нас приведёт в Печорскую обитель.

Примета наша в светлости очей.
Мы на Руси как добрые миряне
Давно носили званье кривичей,
В России мы зовёмся – псковитяне.

ПОЛЫНЬ

Застыла степь разливом серых пятен,
Кругом полынь, задумавшись, молчит.
Полынный запах для меня приятен,
Хотя он всё же чуточку горчит.

Скажи, полынь, родимая травинка,
Когда под ветром стебель твой дрожит,
Откуда эта вечная горчинка,
Что незаметно голову кружит?

То, может быть, чувствительные соки
И скромный цвет с налётом седины
В себя вобрали памятные соки
Страдания каждой битвы и войны.

И, может быть, на крови вырастая,
И на слезах российских матерей,
С далёких лет, полынь, трава степная,
Ты помнишь горе Родины моей.

Как велики у нас его поборы,
Но память крови с нами говорит
В родных полях, от запаха которых
В любое время на сердце щемит.

К ним прихожу я с чувством постоянным
И буду помнить до последних дней,
Как манит цветом нежным и туманным
Полынь, полынь – печаль души моей.

ПРЕДОК И ПОТОМОК

Ни трав целебных, ни цветущих веток –
Ещё на озере, как панцирь, лёд,
И вдруг из тьмы встаёт далёкий предок
И долгим взглядом в прошлое зовёт.

А там – беда, и слева враг, и справа,
Восток и Запад – в середине Русь.
На всех врагов найдётся ли управа?
О, крепни, сердце и душа, не трусь!

Змеится рыцарство лавиной белой,
Припёрлись нагло, будто бы правы.
«Покажем руссам рыцарское дело,
Пусть станут ниже низенькой травы».

И вдруг накинута на силу сила,
Вскипела брань, и взвился к небу стон.
Кричало горло, а рука рубила –
И вражий дух ослаб и вышел вон.

Стоят века за нашими плечами,
Ту битву помнит поседевший Кром.
И к нам с вопросами, а не с мечами
Приходят души павших на Чудском.

Они живых как будто вопрошают:
Мы вам оставили святую Русь...
Уж не знамёна ль русские ветшают
Уж не ликует ли мразь, и гнусь?

Подумайте, опомнитесь, проснитесь,
Себя забыли, помня о других.
Коснитесь в храмах старины, коснитесь,
Объединитесь против сил лихих.

Витают шёпот, кто его услышит?
Оглохли мы, утратили чутьё,
Опять душа едва на ладан дышит,
К нам применяются злостное битьё.

А встанем все – и канут в пропасть банды,
И в чубайсятах усмирится бес.
Владимиры придут ли, Александры –
Но вождь нам сильный нужен позарез.

ВETERAHy

Ветерану ещё рано
Уходить совсем-совсем,
Хотя на сердце его рана
До сих пор видна на нём.

Как-то школьники спросили,
Где на фронте он дерзал,
Что с ним сделали в России?
Он им правду рассказал.

Нам без этой правды плохо,
Ложь диктует свой устав.
Вновь с ума сошла эпоха,
Нам победу оболгав.

Это слышится с экрана –
Это западный посыл.
Буду славить ветерана,
Только дольше бы он жил!

ОН – СОВЕСТЬ НАША

Столетье минули, года
И в слабости, и в силе.
Что нас опять ведёт сюда –
В его места, к могиле?

Пускай на жизненной мели,
Уйдя в свои занятия,
Чужие где-то там вдали –
Мы сёстры здесь и братья.

Для нас чистилище вот здесь –
Для всех, кто духом пали.
Он – совесть наша,
Наша честь,
А мы какими стали?

И не был он по мере сил
Нигде на побегушках.
В лицо он правду говорил
Царю –
На то он Пушкин!

ТАЙНА РОССИИ

Эссе

(История и художники слова)

Привет, Россия – родина моя!

Н. Рубцов

Россия... «Разве можно говорить о ней? Она – как живая тайна: ею можно жить, о ней можно вздыхать, ей можно молиться; и, не постигая её, блюсти её в себе; и благодарить Творца за это счастье; и молчать...» Так начинает свои размышления о России певец русского духа Иван Александрович Ильин. И продолжает:

«Но о дарах её; о том, что она дала нам, что открыла; о том, что делает нас русскими; о том, что есть душа нашей души; о своеобразии нашего духа и опыта; о том, что смутно чуют в нас и не осмысливают другие народы... об отражении в нас нашей Родины – да будет сказано в благоговении и тишине»¹.

Лишь в благоговении и тишине можно думать и говорить о России – как о самом великом, самом дорогом. Она всегда перед нами, но кто может сказать, что понял, разгадал её? Она – вечно рождающаяся тайна! Как появление зари, как новый день...

Не знаю почему, но во мне живёт уверенность, что моя страна Россия родилась на рассвете вместе с восходом Солнца. Быть может, это был самый первый рассвет самого первого дня в существовании нашей планеты? Мне видится бескрайнее поле, оно в волнении застыло, ожидая чего-то великого, небывалого. Вот горизонт на востоке заалел, расцвел багрянцем и, как первое, претворяющее всю сущность мира,

¹ И.А. Ильин. «О России», с/с в десяти томах, М. «Русская книга», 1996, т. 6, кн. II. Стр. 8–9.

слово, появилось солнце. И вместе с ним поднимались из ночного небытия к утреннему началу жизни купола и кресты святых храмов и монастырей... Новгорода, Пскова, Китеж-града, Киева, Владимира, Суздаля, Смоленска... Блистали золотом купола Святой Софии, Спаса, Благовещения, Успения...

Нет, это не мы создали их, это они, бывшие от начала, воззвали нас из глубины времен, призвали к великой будущности. От того первого рассвета и начался самый грандиозный крестный ход, протянувшийся от начала времен к вечности...

Душа России застыла в безмолвии Божественного мрака,² и мы лишь в священном молчании можем созерцать её. Но история её творится под яростный рёв пожаров, топот коней иноплемennых ратников, грозный гомон толпы и разбойничий посвист мятежных ватаг; под победный грохот канонады и доблестное «ура»; под гул кузнечных станов, рокот космодромов, под треск ломающихся под игом непосильного труда костей. Под шум, гам, гвалт и грохот...

И в этом соединении несоединимого – незримого, нездешнего и осязаемого, чувственного, земного – рождается облик России, проступают на холсте бытия её прекрасные черты, доступные в какой-то мере лишь прозрениям писателей и поэтов. Но и поэт вынужден восклицать:

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.³

² Понятие Божественного мрака раскрывается в рассуждении о непостижимости Бога. См. Дионисий Ареопагит «Мистическое богословие», издание христианской благотворительно-просветительской ассоциации «Путь к Истине», Киев, 1991. Стр. 5.

³ Тютчев Ф. И. «Умом Россию не понять», 28 ноября 1866 года.

Без веры жизнь в России – мучительна и беспросветна. Лишь она, вера, исполняет душу восторгом от всё возрастающей тяжести «ноши крестной». Чем тяжелей – тем лучше! Как возможно это вместить? Только через веру. «Кого Я люблю, тех обличаю и наказываю»⁴, – сказал Сам Бог. «Тяжек наш крест... И если мы, подчас изнемогая, падаем под бременем нашего креста, то роптать ли нам и хулить ли себя в час упадка, или молиться, крепиться и собирать новые силы?..»⁵

И всё это – еще одна составляющая живой тайны России, тайна страдания, возведённая монахами-тайновидцами и воспетая поэтами, но по-прежнему непостижимая:

Не поймёт и не заметит
Гордый взор иноплеменный,
Что сквозит и тайно светит
В наготе твоей смиренной.⁶

Сегодня наша Россия становится всё большей загадкой для нас же самих, вырванных из контекста «родного» и насильственно имплантируемых в биомассу «общечеловеческого». Что, кроме угольных шахт, и нефтяных вышек, заметит в России «гордый взор иноплеменный»? Лишь их, да ещё необозримые русские просторы: поля и леса, реки и озера, горы и моря – всё, чем наслаждается русская душа и к чему сотни лет тянутся алчные руки тех самых иноплеменных...

Воистину, Бог ссудил нам владеть необъятной страной, с разбегающимися во все концы света пространствами, наполненными – и вглубь и вширь – несметными богатствами. Русское сердце всегда гордилось этим:

Велика наша Русь!.. От холодных снегов
Позабытого солнцем Поморья
До, сгоревших под лаской его, берегов
Старца Каспия сонного взморья...

⁴ (Откр. 3, 19).

⁵ И.А. Ильин. «О России», с/с в десяти томах, М. «Русская книга», 1996, т. 6., кн. II. Стр. 20.

⁶ Тютчев Ф. И. – «Эти бедные селенья», 1855.

Как могучий гигант, на досаду врагам,
Да и друзьям двуличным на диво
Развернулась она... По полям, по лугам –
Рек зеркальных могучим извивам...

Такой видел свою Отчизну неизвестный поэт XIX века.⁷ И практически каждый обитатель Европы с ним согласился бы, скрипнув, возможно, при этом зубами. Так, известнейший социолог и публицист того времени Николай Яковлевич Данилевский, задаваясь вопросом «почему Европа враждебна России?», писал: «Взгляните на карту, – говорил мне один иностранец, – разве мы можем не чувствовать, что Россия давит на нас своею массой, как нависшая туча, как какой-то грозный кошмар?». И далее продолжал: «Уроки истории никого не вразумляют. Россия, – не устают кричать на все лады, – колоссальное завоевательное государство, беспрестанно расширяющее свои пределы, и, следовательно, угрожает спокойствию и независимости Европы. Это – одно обвинение. Другое состоит в том, что Россия будто бы представляет собой нечто вроде политического Аримана,⁸ какую-то мрачную силу, враждебную прогрессу и свободе. Много ли во всем этом справедливого?»⁹

Озаботимся и мы ответом на поставленный вопрос. Я, не задумываясь, отвечаю: «Нет в этом ровным счётом ничего справедливого!» И, уверен, прозвучит множество поддерживающих меня голосов. Но что это, как гвоздь по стеклу, царапает слух? «Россия – рассадник тоталитаризма, у русских не было истории, русские всегда пресмыкаются перед сильной властью».¹⁰ Или еще того хуже: «Русские – лишний народ».¹¹ Ничто не меняется в мире! Борьба идей, война смыслов продолжают, как и сама битва за Россию.

⁷ Д. Велика наша Русь! // Богословский Вѣстникъ, издаваемый Московскою Духовною Академіею. 1896. Томъ II. Май. – Сергіевъ Посадъ: 2-я типографія А.И. Снегиревой, 1896. – Стр. 1–4. (В приложении.)

⁸ Ариман (Ахриман) – в иранской мифологии верховное божество зла.

⁹ Данилевский Н.Я. Россия и Европа, Глава II. Почему Европа враждебна России? – 2-е изд., Институт русской цивилизации, 2011.

¹⁰ Расхожие фразы русофобов.

¹¹ Известное утверждение главного ненавистника России З. Бжезинского.

Спорить с русофобией бессмысленно, на страже её интересов (кроме колоссальных финансовых средств) свой «корпус идей», вмещающий сотни, тысячи отработанных механизмов обмана и промывания мозгов. Всему этому надо жёстко противостоять, привлекая максимум доступных (и не противных воли Божией) средств науки, политики, власти, чтобы уберечь идеалы и ценности национальной культуры, чтобы новое возрастающее поколение, сохранив от растления душу и тело, не затерялось в стране далече, но оберегало родные святыни, родимую пашню и отеческие гробы. И тут непреходящее значение обретает голос просветителя, историка писателя, раскрывающий смысл событий минувшего, глубинные тайны истории. Ведь «история народа есть молчаливый глагол его духа; таинственная запись его судеб; пророческое знамение грядущего»¹².

Слава Богу, звучат такие голоса – Россия богата людьми талантливыми, способными почувствовать, увидеть, осмыслить и рассказать. Карамзин, Пушкин, Гоголь, Достоевский, Толстой – несть им числа!

«Нас нередко пытались представить захватчиками, поработителями, забывая о том, что всё развитие, распространение русской государственности шло в пределах этих, за многие века нашей истории ставших родственными и братскими нам, народами, в пределах нашей «финской и монгольской крови». ...Эти народы, связанные в общую систему ещё первыми монгольскими ханами, сами воспринимали вхождение в состав России как присоединение, а не как завоевание. Поэтому и происходило присоединение, союз вокруг Москвы самыми ничтожными силами, горсткой людей вроде дружины Ермака... Итак, союз, а не рабство, присоединение, а не завоевание, победа славянского ядра в древнем союзе народов, в обозначенном исторически границами пространстве...»¹³.

¹² И.А. Ильин. «О России», с/с в десяти томах, М. «Русская книга», 1996, т. 6, кн. II. Стр. 19.

¹³ Дмитрий Балашов, Владимир Бондаренко. Единение. Газета «Завтра» №: 33(350), 15-08-2000.

Что есть творчество? Да, это высший дар человеку от Творца. Но что оно для самого художника? «Служение и радость», – уверяет Ильин (и с этим невозможно не согласиться, – И.И.). – Он (художник, – И.И.) позван и призван, ибо «Аполлон» «потребовал» его «к священной жертве» (Пушкин). Позванный и призванный, он чувствует себя *предстоящим*...

Чему же предстоит и чему служит художник?.. Великие русские поэты давно уже высказались об этом ... и выговорили, что *художник имеет пророческое призвание*; не потому, что он «предсказывает будущее» (хотя и это возможно), и не потому, что он «обличает порочность людей», а потому, что *через него прорекает себя созданная Богом сущность мира и человека*. Ей он и предстоит, как *живой тайне Божией*; ей он и служит, становясь её «живым органом» (Тютчев)¹⁴...»¹⁵.

И это ещё одна тайна русской истории: сделать неизвестное известным и неясное понятным. «Сущность мира и человека» прорекалась русскими мыслителями и писателями легко и свободно. Рассеивая туман ложных мнений и интерпретаций, они умело извлекали из вороха событий суть вещей, открывая перед читателями трагический, но величественный исторический путь России как реализацию Божиего о ней промысла. Вот, например, мнение писателя об одном из узловых моментов русской истории – сражении на Куликовом поле:

«Куликовская битва о сю пору представляется многим в основном как выдающийся пример русского военного мужества и как сражение, с которого началось освобождение Руси от татарского ига. И первое и второе верно, но, если бы дело тем исчерпывалось, Куликово поле не имело бы того

¹⁴ Из стихотворения «29-е января 1837» (1837): «Велик и свят был жребий твой!..//Ты был богов орган живой!..».

¹⁵ И.А. Ильин. «Художник и художественность», с/с в десяти томах, М. «Русская книга», 1996, т. 6., кн. II. Стр. 319–321.

значения, которое оно имело и имеет для всего нашего многонационального государства.

Ибо на Куликовом поле не бой был выигран, и не Орда поражена, на Куликовом поле из шестисотлетнего «далека» начался тот процесс, который привёл к созданию величайшего, на шестую часть населенной суши, государства, строй и склад которого, пожалуй, не имел аналогий в мировой истории...

В муках и скорби XIII–XIV столетий на развалинах угасшей Киевской державы родилось новое государство, а по сути – новый народ. И люди, вышедшие на Куликово поле, мужеством своим, превысившим смертную муку, выстояв и победив, сказали миру – «да, родилось, явилось на свет новое государство, и подвиги и слава которого – впереди». Были поражения и смуты, не всегда побеждало на полях сражений русское воинство, но вот прошло уже немало веков со дня той Куликовской битвы, и видно, как, устояв на западных границах своих, через всю Сибирь к Тихому океану шагнула Московская Русь...»¹⁶.

Вот она – «живая тайна России». И как сама история свершается через служение государству, народу великих личностей, так и её постижение – через служение тому же государству и народу великих художников... В их словах часто звучала боль, от понимания, что их усилия не способны остановить торжество зла. Но... зло отступало перед глубиной их литературного, научного дарования, пред их непреклонностью в деле служения на отечественной художественной ниве. Их голосам внимали десятки, сотни тысяч российских читателей, и проникались спасительными смыслами их слов.

А о том, насколько это важно, опять напоминает нам Иван Александрович Ильин; напоминает всякой «смущенной и вопрошающей русской душе, – пусть приникает и читает; и, читая, пусть понимает и укрепляется; а укрепившись, пусть не малодушествует и не ропщет.

¹⁶ Дмитрий Балашов, Владимир Бондаренко. Единение. Газета «Завтра» №: 33(350), 15-08-2000.

Пусть не думает, что мы «слабее или хуже всех народов»; пусть не судит легкомысленно или предательски о славянском племени; пусть не корит наших предков; пусть не тоскует и не трепещет за судьбы наших внуков. Но пусть в молитвенной уверенности борется за Россию и ожидает грядущих событий и свершений».¹⁷

Нет, мы не немощее и не хуже других народов! И способны любить свою Родину как никто другой. А если кто-то ослабеет в этой любви, то ему непременно напомнят:

Берегите Россию, без неё нам не жить.

Берегите её, чтобы вечной ей быть.

Нашей правдой и силой, нашей гордой судьбой.

Берегите Россию, нет России другой.¹⁸

История – беспристрастный судия второстепенного – временного и главного – вечного: первое исчезает с её страниц, второе – сохраняется от века к веку. Но иногда временное провозглашается главным, а вечное предаётся забвению. И это больно бьёт по народу, государству, вовлекая их в великие беды. Любая ошибка отзывается трагедией и кому, как не художнику слова, читающему тайные письма времён, возвышать свой голос, предупреждая соплеменников.

Но что же главное? Что движет жизнью человека, народа, государства? Как верно расставить акценты, ведь с художника спросится именно за это? Сокровища духа, ибо они бессмертны. Небесное движет земным, высшие смыслы определяют ход событий, и именно это делает Россию великой страной. С нами Бог! Но и мы должны быть с Богом, и мы должны бороться за свою Родину, за себя, свою веру, свою душу...

¹⁷ И.А. Ильин. «О России», с/с в десяти томах, М. «Русская книга», 1996, т. 6, кн. II. Стр. 20.

¹⁸ «Берегите Россию» Евгений Леонидович Синицын, (1932–1990).

И пусть пугают нас, что не осталось в стране ни одного боеспособного воинского подразделения, что производство уничтожено, что люди развращены золотым тельцом, разрушены нравственно и морально: одни погрязли в коррупции и воровстве, другие в разврате и пьянстве. Что нет больше духа победы и нет России. Да не будет! Путь России из вечности в вечность! И жива её тайна, которую не постигнуть вам, недруги Отчизны нашей!

Вам наши лучшие преданья
Смешно, бессмысленно звучат;
Могучих прадедов деянья
Вам ничего не говорят;
Их презирает гордость ваша.
Святыня древнего Кремля,
Надежда, сила, крепость наша –
Ничто вам! Русская земля
От вас не примет просвещения,
Вы страшны ей: вы влюблены
В свои предательские мненья
И святотатственные сны!¹⁹

Россия жива! И душа народная по-прежнему рвётся к небу, к вечности... Не стоит ходить за примерами далеко. Совсем недавно, 20 октября 2011 года из Ватопедского монастыря со Святой Горы Афон в Россию в С.-Петербург прибыла величайшая святыня православного мира – пояс Пресвятой Богородицы. Она была выставлена для поклонения в храме Казанской иконы Божией Матери Воскресенского Новодевичьего монастыря. Ожидалось прибытие большого числа паломников, но то, что случилось на самом деле, превзошло все ожидания: невзирая на то, что к святыни был открыт круглосу-

точный доступ, очередь к вратам Казанского храма растянулась на несколько километров. Не считая петербуржцев, десятки, сотни тысяч людей приехали со всего Северо-Запада, чтобы испросить вышней помощи Пресвятой Богородицы, укрепиться благодатью, прикоснувшись к святыне, получить помощь в болезнях, скорбях. Едва ли и малая толика этого числа верующих собиралась вокруг святыни, когда вывозили ту в города Западной Европы. Небо над С.-Петербургом, верно, кипело от молитв. Без сомнений, в городе в это время резко сократилось количество преступлений. И затаилось всё чуждое, злое, вспомнив вдруг, что «Крепка, надежна Русь святая, // И русский Бог ещё велик!».

А далее святыню провезли по всей России: через Екатеринбург, Норильск, Владивосток, Красноярск, Дивеево, Саранск, Самару, Ростов-на-Дону и Калининград. Последней в списке стала Москва. И уже не тысячи, миллионы людей пришли поклониться животворящей святыне.

Верю и надеюсь, что после этого мы станем чище, крепче, зорче, а враг слабее. Вот путь к единению и победе, к живой тайне России, постижения которой нам нельзя прекращать ни на мгновение.

¹⁹ Языков Н.М. «Наш Русский Бог ещё велик!», 6 декабря 1844.

РАДУГА НАД ДНЕПРОМ

Эссе

1

Рано утром, едва начало светать, около сотни дружинников окружили Княжескую Гору, издревле считавшуюся пристанищем кикимор, шишимор, упырей, колдунов и прочей нечисти, и по знаку Владимира накинули верёвочные арканы на изваяние Перуна и других идолов. Опрокинув их на сырую от росы траву, дружинники принялись железным дубьём разбивать им головы и крошить туловища. Деревянных истуканов они порубили и тут же, на месте, сожгли, а каменных раздолбили на осколки, отвезли за Киев и утопили в глухом болоте.

Привязав к конским хвостам остатки размочаленных статуй, дружинники поволокли их по Боричеву взвозу к Днепру, не переставая лупить жезлием. Более всего доставалось Перуну, на которого и сыпались главные проклятия:

- Ты главный виновник и головник!
- Ввергал Русь в брани и сечи!
- Навлекал орды хазар и печенегов!
- Убил великого князя Святослава!
- Затеял кровавую свару меж его сыновьями! Олега с Ярополком не пожалел!
- Так тебе! Так тебе! На! На!..

Напоследок, не раз угостив Перуна жезлием по башке и сбив с неё серебряные усы, скинули его с высокой кручи в стремительный Днепр. Но весть о том, что дружинники крушат древних богов, некогда чтимых великим князем, уже разлетелась по Киеву, и вскоре на обезглавленной Княжеской Горе и на берегу Днепра, где топили Перуна, собралось много народа. Одни кияне с просветлёнными лицами, шепча молитвы, благодарили Господа Бога за уничтожение ненавистных идолов, другие стояли молча, а третьи, возмущённые

утратой почитаемых ими кумиров, кричали и иступлённо рвали на себе одежды.

Перун оказался живучим: даже имея тяжёлую золотую голову, за счёт массивного деревянного туловища он вынырнул на поверхность воды и поплыл по течению. Несколько отчаянных молодцов попрыгали в реку, пытаясь спасти Перуна, но быстрые воды Днепра увлекали идола всё дальше и дальше...

Князь повелел двенадцати дружинникам идти по берегу и шестами отпихивать от него деревянного болвана. Почитающие идола с плачем и стенаниями шли следом по берегу, вразнобой выкрикивая мольбу: «Выдубай, Перуне! Выдубай, Перуне!..», и бесстрашно завязывали драки со стражниками – защитниками новой, христианской веры. Наконец, Перуна довели до днепровских порогов – условной границы Киевской Руси и Дикой Степи, оберегаемой печенегами. Увлекаемый бурным течением, Перун стукнулся золотой башкой о камень, скрылся под водой и больше не показывался. И произошло это недалеко от Чёрной скалы – места гибели великого князя Святослава.

Когда о благополучной кончине главного божества язычников доложили Владимиру, он облегчённо вздохнул и перекрестился: как вода снимает при крещении первородный грех, так и сейчас она будто бы смыла с князя и его сподвижников грехи за поклонение идолам.

Вскоре на Подоле, Торгу и в иных людных местах начали кучковаться ярые приверженцы дедовской веры. Особо ретивые крикуны ходили по улицам и предградьям, сыпали проклятиями и угрозами, предрекая киянам кары. Недовольные учинённым дружинниками разгромом, они не могли просто так отказаться от своих кумиров, считая истинно русскими именно их, а не те, привозные, что стоят у Владимира на Княжеской Горе, хотя и их кияне тоже почитали.

В происходящем явно чувствовалась направляющая рука волхва Чудина, хотя сам он нигде не показывался.

Князь осознал свою ошибку довольно быстро: нужно было громить языческих идолов не тайком, а у всех на виду, попутно разъясняя людям порочность поклонения дереву и камню.

Зная, что не все низинные уважают княжеских богов, Владимир решил не медлить. К тому же, словно Божье знамение, произошло следующее: неожиданно у Чудина сдох одомашненный волк, а через сутки скончался и сам главный волхв. Но многие воеводы и некоторые священники всё равно отговаривали князя:

– Скоро день Перуна. Произойдёт свалка, может завязаться драка, а то и резня. Нелегко людишек разнять будет...

Но Владимир, не соглашаясь, твёрдо стоял на своём:

– В Перунов день Киев должен быть крещён. Отступить некуда: на Руси не терпят середины, когда ни да, ни нет... Нужно прибиваться к одному берегу: на стремнине держаться опасно – снести может и о камни разбить. Полагаю, противников нашему святому делу будет не так уж и много, потому как всем известно: Перун – не славянский бог, а варяжский. Вот на это и станем напирать: Перуна на Русь запустили свионы! С ним они и хотели нас покорить, да не вышло... И того никому не позволим!

2

Когда в Киеве поулеглись страсти по избавлению Княжеской Горы от языческих истуканов, в небольшой речке вблизи впадения Почайны в Днепр были крещены двенадцать сыновей Владимира, и все они получили христианские имена. Святополка назвали Петром, Ярослава – Георгием, Мстислава – Константином, Бориса – Романом, Глеба – Давыдом. Остальные сыновья князя были наречены другими именами. Хотя время шло к осени, и вода была уже холодной, но никто из них не простудился и не заболел. И, самое главное, не испугался: даже Судислав, самый слабый и немощ-

ный из братьев, окунаясь в студёную днепровскую воду, приговаривал: «Вода как кипятки! Обжечься можно!».

(Ручей тот вскоре назвали Крещатики, а позже это название перешло к главному проспекту Киева).

В тот же день, что и сыновья Владимира, крестились воеводы и бояре, дружинники и гридни, доверенные и приближённые к великому князю люди. Посмотреть на действо, о котором повсюду судачили и толковали, пришёл к Почайне и отставной воевода Волчий Хвост. Видя, с каким торжеством, под умильное пение священников оно проводится, и как радостно-просветлённы лица крестившихся, храбрый воевода, изувеченный во многих сечах и сражениях, тоже решил на омовение водой. Сняв кафтан и сапоги, в рубахе и портах он долго ходил по днепровскому берегу, прихрамывая и опираясь на меч как на костыль. Пробуя воду, воевода сначала осторожно дотрагивался до неё босыми ногами, а потом, решившись, вдруг с головой бултыхнулся в реку.

– Хвост, оставь меч! Он ти мешает! – кричали с берега

– Мне его сам князь Володимир вручил! – отфыркиваясь, прокричал в ответ воевода. – И повелел никогда с ним не разлучаться!

Так, держа меч над головой, он трижды окунулся и вышел на берег.

Заминка вышла с христианским именем. То, что предлагали священники, Волчьему Хвосту не нравилось. Наконец, выбор воевода сделал сам.

– Буду Волком! – рявкнул он на весь берег. – Надоело быть Хвостом!

– Нету такого имени, – возразили ему, – оно – прозвище.

– Тогда назовите меня Володимиром, – предложил воевода.

– Ишь чего захотел! – возмутились в толпе. – Великим князем хошь стать?

– Князя Володимира теперь нет! – возразил бывший воевода. – Отныне он князь Василий!

Сошлись на том, что старый воин станет Гурием, что в переводе означало «Маленький львёнок». На имя Лев воевода не согласился: какой из него царь зверей – с одним-то клыком?!

После благодарственного молебна в восстановленном храме Святого Илии Владимир устроил для новоцерковлённых трапезу. С крестиками на шеях, умытые, чистые, с просветлёнными ликами, сыновья сидели по правую руку от отца, а по левую расположились воеводы и бояре.

Владимир не мог налюбоваться на своих чад – его опору и надежду. Им, его сыновьям, предстояло ещё более возвеличить Русь, укрепить её мощь, и князь уже теперь прикидывал, кого и куда пошлёт управлять землями и городами.

Любовался сыновьями князь, но в то же время и тревожился за их судьбу: не произошло бы промеж братьев кровавого раздора, как это случилось между Олегом и Ярополком... Однако Владимир надеялся, что, приняв христианскую веру, в основе которой – любовь, мир и согласие, сыновья не допустят междоусобной резни.

Анастас, накануне возведённый в сан епископа, видя умилённые лица княжеских сынов, вдруг вдохновенно воскликнул:

– Двенадцать! Аки апостолы у Господа нашего Иисуса Христа!

Владимир, услышав возглас Анастаса, опечалился: ведь из двенадцати апостолов, как всем известно, один оказался изменником...

Пристально вглядываясь в сыновей, князь пытался разгадать, кто же из них посмеет нарушить Христову заповедь «Не убий!»?

А в том, что такой найдётся, он почему-то не сомневался...

3

Каждый вечер Владимир выслушивал Анастаса, своих приближённых, негласных подслухов о том, что толкуют в

Киеве и предградах о христианской вере. Князю доносили: после крещения его сыновей и именитых людей и простой люд склонялся последовать их примеру. Некоторые из низинных даже сами агитировали:

– Нас Володимир хошет уравниать с нарочитыми, а мы почему противу?

Таким говорунам затыкали рты:

– Дак и ждите! Где видано: воевода и холоп хлебали б с одной миски? Разве богач разумеет нищего-голяка?.. Пойдём в христианство, дак нас ещё крепче зажмут...

Когда оставался один-единственный день до Перуновых торжеств – а по сведениям, они всё равно готовились в Киеве, хотя верховного истукана и утопили в Днепре, – князь собрал своих сподвижников.

– Пора! – сказал он решительно. – Послезавтра будет поздно!

Всю ночь перед крещением Владимир не спал – творил молитвы в домашней церкви:

– Господи Иисусе Христе, помилуй мя и мой народ киевский и всея Руси... Приведи нас к святой вере хрестыанской... Не дай погибнуть в гресех и укажи нам путь к спасению... Помоги в исполнении заповедей Твоих...

Пропели первые петухи, вторые, третьи... Чуть забрезжил рассвет, проникая в дома через мутные слюдяные оконца. На улицах заскрипели ворота, послышался приглушённый говор людей и громкий лай собак. В теремах челядь зашлёпала босыми ногами по полу, в поварне затапливали печи. Наступило утро...

На рассвете Владимир молился уже в церкви, где пахло сосновой смолой от свежесрубленных брёвен и кадящим дымом с ароматом кедрового ладана. После молебна митрополит Михаил, епископы Иоахим и Анастас, священники в торжественных облачениях с кадилами и крестами под величавые песнопения вышли на берег Днепра. Шёл с ними и князь – в

венценосной одежде василевса и с короной на голове. Он шёл и думал, что стоит ему и церковной знати лишь появиться у реки, как сразу повалит народ. Но не тут-то было...

Берег Днепра оставался пустынным, лишь изредка прибегали бабы за водой: они черпали её бадейками и, подхватив их, медленно поднимались в гору, исподтишка поглядывая в сторону князя и священников. Пригоняли коней на водопой холопы с тайным повелением хозяев узнать, что деется на берегу и как ведёт себя князь – гневается или радуется? Может, лучше отсидеться дома?..

Всё выше и выше поднималось солнце. Ни облачка на небе, ни слабого дуновения ветерка. Священники пáрились в подрясниках и плотных облачениях; вместе с ними топтался на берегу и Владимир, с нетерпением ожидая будущих христиан. Время шло, вот и полдень скоро, а кияне всё медлили и медлили. Душа князя стыла от стыда перед священниками: обещал ведь им окрестить народ, а вон оно как нехорошо выходит...

Обдумав положение, наконец, решился: созвав в кружок сподвижников, Владимир обратился к ним с призывом:

– Бояре, идите по дворам и ведите своих людишек! Воеводы, ступайте за воями, с верой Христовой мы будем непобедимы! Старцы градские, вы в славе у народа, но забыли о своей родине и чадах. Образумьте их! Хоть на арканах, волочите семо!..

Находившийся здесь же Волчий Хвост обнажил меч и потряс им в воздухе:

– Князь, повели! Сча всех пригоню! А не пойдут, рассеку непокорных пополам!

Владимир покачал головой:

– Вложи меч в ножны, воевода: стальной здесь не годится, нужен духовный.

– Так дай мне! – не унимался Волчий Хвост. – Почему ты мя не вооружил сим?

Князь пояснил:

– Он уже в руке твоей, воевода, – со дня крещения твоего. Аль ты этого ещё не уразумел?

Волчий Хвост в недоумении покачал головой, пожал плечами и вслед за боярами и воеводами отправился за народом. Владимир, высоко держа в крепких руках крест, тоже пошёл по граду, и всех, кто бы ему ни повстречался, увещевал и уговаривал, а в разговорах с иными временами даже прибегал к крайней мере:

– Кто не придёт на реку, богатый иль бедный, нищий иль раб – станет мне врагом! – говорил он, грозно сверкая ясными очами.

После такой угрозы кое-кто спешил побыстрее спрятаться от его пристального взгляда за чужие спины. Но с теми, кто продолжал его слушать, Владимир, сокрушённо кивая, разговорил по-иному:

– Людии мои, аз обещал вам пред взятием Киева хорошее и доброе житие, но не сдержал слова своего. Не уменьшется, а пребывает всё боле и боле нищих-голяков, бездомных, калек и увечных. Ютятся они в собачьих подворотнях и скотинных дворах. Облечётесь в новую веру, может бысть, Господь Бог сподобит поместить вас в своих Небесных Чертогах. Иль вы мне не верите? Иль держите на мя зло?

– Да что ты, князь? – вразнобой отвечали кияне. – Разве мы на тя сердиты? Ты – наш князь-батюшко! Ты – наше Солнышко!

Другие, поправляя, закричали:

– Не Солнышко, а Красно Солнышко!

– Ты для нас – бог, отец и господин!

– Кто же, кроме ты, утешит и заступу даст?

Владимир, высоко поднимая крест, крестил им народ направо и налево, но славословия в свой адрес решительно отвергал.

– Нет! Нет! Не называйте мя так.! – говори он громко. – У нас – Един Бог: Господь Иисус Христос. Он – всему Творец и Начало Начал. Аз, аки и вы, многогрешен. Хоть аз и ваш

князь, но в гресях погибающий. Могу поступать несправедливо, обидеть, свершить зло. А Господь – любовь и доброта, никого не обидит, никогда не обманет. Он – совершенство мира. Хорошенько подумайте! Останетесь во язычестве – пребывать в темноте вам, встанете под руце Божией – и жить будете в свете! Господь создал людей по образу и подобию Своему Божию. К Нему можно обратиться напрямую – Отче наш... Это ли не чудо?

На злые и коварные выкрики, сдерживая себя, смиренно отвечал так:

– Зрю, вы мя не слушаете. Воруєте, грабите, убиваете, пьяны часто, без трудов в праздности пребываете. Сколь раз призывал не творить оно́го, однако ж аки были, так и остались неразумны и глухи к слову моему. Не признаёте мя аки царя земного – устрашитесь Царя небесного. Не покреститесь, не покаетесь – не будет никому прощения. Для таких смерть станет вечной: попадёте в ад, где огонь неугасимый, мучения нестерпимы, горький плач и скрежет зубов...

Не гнушался князь вступать в спор даже с самыми рьяными приверженцами старых де́довских заветов, и слушать не желавшими о крещении, поскольку, как они считали, христианская вера для них слишком строгая и обременительная.

Владимир и тут терпеливо объяснял, приводил примеры из своей жизни и ссылался на изречения из Поучений Божьих:

– И аз недавно ходил во тьме, поклонялся идолам деревянным и каменным. Но они, кроме вреда, ничего ми не дали. Все вы знаете, яко аз в Корсуни внезапно ослеп, а прозрел токмо после крещения и покаяния. То Сила Господня на мне была проявлена! Прозрел телесно и духовно... И не нужно бояться веры христианской: сам Господь Бог говорит: «Ибо иго Мое благо, и бремя Мое легко». Весь закон Христовый держится на двух простых заповедях: «Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем своим», и «Возлюби ближнего твоего, аки самого себя». Неужто так трудно это понять?

4

Совместными усилиями князя и его помощников удалось, наконец, всколыхнуть и поднять народ. Сначала слабыми ручейками, затем потоками потянулись люди к Днепру. На многих – праздничные одежды: на женщинах – новые уборы и платно, мужчины – в новых портах и рубахах. По велению распорядителей и под пение, молитвы и возгласы священников кияне, раздевшись донага, входили в воду и стояли в ней, кто – по грудь, иные – по шею, а некоторые – и с младенцами на руках. Чинность и благородность торжества нарушали лишь отроки, которые шумно плескались у берега, подзадоривая друг друга и брызгаясь водой.

Новоокрещаемым нужно было выслушать молитвы священников и трижды окунуться в воду с головой; при выходе из реки каждого из них ещё трижды кропили святой водой и под возглас «Крещается раб Божий...» тут же называли ему его новое имя.

Владимир, уже сидя на походном стольце на небольшом холме у Днепра, с радостным и ликующим лицом смотрел на окрещённых мужей – мокрых и довольных. Но, вдруг обеспокоившись и с тревогой оглядев берег, спросил:

– А где же жёны наши? Почему они не окрещиваются?

Один из гридней рукой указал князю на толпу женщин с отроковицами и юницами, столпившимися вдали от всех у зарослей ивняка.

– Не желают оголяться, княже, – засмеялся он. – Не хотят, чтоб на них, нагих, глазели попы царицынские.

– Правильно! – кивнул Владимир. – Жёны и должны быть стыдливы.

Обернувшись в воеводам, распорядился:

– Завяжите попам очи! И выставьте охрану, дабы ни едина мужеска душа не подглядывала!

– Как охранять-от, княже? – спросил кто-то из воевод. – И гридни – тож мужи, и очи у них тож есть...

– И на них повязки наложите! – приказал князь. – Они и в темноте, ежели чего, любого сыщут...

Священный обряд крещения близился к завершению. В стороне от клира, возведя очи вверх и раскинув руки, Владимир благодарил Бога:

– Христе Боже, сотворивший небо и землю! Призри на новыя люди сия и даждь им, Господи, познать Тя, Истинного Бога, аки познали Тя христианские государства! Утверди веру в них правую и непорочную и мне помоги, Господи, на супротивного врага, да надеясь на Тя и на державу Твою, одолею козни его!

Грянул хор всего собравшегося священства и дьяконства, зазвенели в крепости колокола церкви Илии.

– Ти поём, Ти благословим, Ти благодарим, Господи, и молим Тя, Боже наш!

Не успело закончиться песнопение, как вдруг в совершенно ясном и чистом небе могуче пророкотал гром, и появилась разноцветная радуга, накрыв собою единственное пушистое облако. Она будто играла, переливаясь всеми своими цветами – красным, оранжевым, жёлтым, зелёным, голубым, синим, фиолетовым... С каждым миготом свечение расширялось и скоро заняло значительную часть неба. И священники тут же вспомнили слова из Писания Божьего: «Я полагаю радугу Мою в облаке, чтоб она была знамением завета между Мною и между землею...».

– Благодать Господа опустилась на землю Русскую! – изрёк, трижды перекрестившись, митрополит Киевский и всея Руси; епископы и прочие священные чины принялись истово креститься, в великом изумлении качая головами.

Простых киян при таком чуде поначалу охватил страх: никогда не бывало, чтобы в солнечную ясную погоду грохотал гром и возникала радуга! Но, видя, что никто из священников не испугался, они сумели подавить в себе страх: их лица с каждым мгновением становились всё более радостными и счаст-

ливыми. Даже отроки, оставив свои шалости, и те притихли и, прижимаясь к родителям, зачарованно смотрели на небо.

Когда завершился благодарственный молебен с провозглашением «Многая лета все новоцерковлённым», радуга постепенно поблекла и скоро совсем исчезла. И тут произошло ещё одно необыкновенное диво: откуда-то с небес зазвучало вначале едва слышимое, но явственное различимое пение: «Святой Боже, Святой Крепкий, Святой Бессмертный, помилуй нас...». Пение становилось всё громче и громче, и было оно необыкновенно стройным и благостным. На лицах новых христиан появились неподдельные слёзы – слёзы искренней радости и надежды на светлое будущее...

Между тем пение продолжалось:

– Да веселятся небесная, да радуются земная, яко сотвори державу мышцею Своею, Господь, поправ смертью смерть, первенец мертвых бысть: из чрева адова избави нас, и подаде миру велию милость...

Все, кто находился на берегу – священство, воеводы, бояре, послы, купцы, низинный люд и сам князь, – пали на колени.

Теперь с небес звучал пасхальный тропарь: хотя стояла середина лета, на Руси наступила Пасха Господня, вознесение её от тьмы к Свету:

– Христос воскрес из мертвых, смертью смерть поправ и сущим во гробех живот даровав!..

«Милость Божия с нами, – с благоговением шептал Владимир. – Благодать Господа Иисуса Христа снизошла на Землю Русскую. Он с нами – отныне и до скончания веков».

Так крестилась Великая Русь...

«И Я ПОЗВОЛИЛ СЕБЕ ОСТАТЬСЯ РЕБЁНКОМ...»

Ах, вот он какой!

Очерк

Знаете ли вы Петериса Скайсткалнса? «Ну, как же, как же, – воскликнут ценители прекрасного, – это же наш псковский художник». Товарищи по цеху с удовольствием поведают о творческой манере Петериса. И без удовольствия: «Скайсткалнс застёгнут на все пуговицы. После вернисажей даже на фуршет не остаётся: поди, узнай, что у него на душе. Не по-русски это как-то». Пойдите-посидите, встрепелась я, – фуршеты фуршетами, но есть же у Петериса друзья... Они-то наверняка помогут «растегнуть» художника. Я порыскала по городу, по СМИ, но не обнаружила ни одного друга Петериса, ни одного его интервью. И спасибо землячке Скайсткалнса – поэту, прозаику, художнику Ирине Панченко, она поспособствовала нашей с ним встрече. Поэтому мою просьбу: «Когда и где можно поговорить с вами – о жизни, о творчестве» – Петерис не отверг.

...В промозглый утренний час мы узнали друг друга по приметам: он был в чёрной куртке и с белой головой, я – с чёрной сумкой и в малиновом берете. До его мастерской было метров сто плюс шесть лестничных пролётов. На лестнице Петерис притормозил: «Не спешите». Пришлось уважить: намекнул же художник по телефону, что ему сто лет и что нынче столько не живут. Я и поверила. А что? Этот хрипловатый голос, эта неторопливая правильность русской речи прямиком из XIX века...

В мастерской царил полумрак, но художник не включил лампочку: ему по душе естественный рассвет. Утро, между тем, высвечивало на стенах голубые реки, синие моря, поле-

вое разноцветье, лики людей: «Всё, что вы здесь видите, для костра, – обескуражил Петерис, – не рождён я живописцем». И, не давая опомниться: «К тому же я неподходящая кандидатура для интервью». Наверное, следовало попрощаться и на цыпочках покинуть этот непуганый друзьями и журналистами мирок. Так ведь обидно: зачем поднялась ни свет, ни заря, зачем опросник готовила – насчёт корней, призвания, семьи, планов? Да ещё этот малиновый берет нацепила. «Может, всё-таки побеседуем, а?» – не сдавалась я. И Петерис согласится...

Кстати, что он там по телефону о своих ста годах вещал? Шутник, однако! На лице, чуждом страстей, молодо цвели голубые глаза, подсвеченные мудрой улыбкой то ли прорицателя, то ли сказочника. Оказалось, ему 60 с небольшим. «Итак, – растёгивал душу Петерис, – в Псков я выпал из розового облака надежд, а когда опустился на землю, был потрясён поведением людей – сквернословием, пьянством, мусором, заплёванностью улиц... Плевать на землю, это же всё равно, что плевать в лицо матери. Остался по семейным обстоятельствам. Но каждый день мечтаю исчезнуть из Пскова, и никак не хочу в нём обозначаться...». «Да, жизнь, видно, изрядно потрепала латыша Скайсткалнса, – подумалось мне, – раз он так судит о городе, приютившем его». «Я мизантроп, – продолжил процесс отчуждения Петерис, – избегающий сетей жизни».

Ах, вот он какой! Впрочем... Пусть его осудит тот, кто ни разу не воспылил ненавистью к себе подобным, кому не плевали под ноги и в душу, или тот, кому не довелось биться в паутине обстоятельств. Так что не столь страшен Петерис, как он себя малюет. И если уж напросилась я к нему в попутчицы – мой журналистский долг разделить с ним радость, боль и стыд человеческого бытия. Оставляю за ним право быть самим собой. Ну, хочется ему взмыть над Труворовым Городищем в поисках розового облачка юности – пусть летит – кисть ему в руки! Желает пропустить через сердце серебря-

ную цепочку жаворонков в поле, с реченькой Великой по-секретничать – мольберт ему в помощь. И одиночество в придачу – его он именует своим сокровищем. Не стану спорить: одиночество придаёт широту взгляду и высоту полёту.

Петерис, будь человеком!

Ой не вдруг одиночество – сиротское это наследство – стало прибежищем для Петериса. В полтора года он лишился родителей: отец погиб в январском лесу. Мама, не пережив потери, вскоре ушла в мир иной – прямо на мужниной могиле. Она и сына забрать с собой хотела, дабы не стал обузой родне, но малыш так сладко спал, что мать не решилась его тревожить.... Спал он, образно говоря, до пяти лет. Как-то утром объявился в доме мужичок с бородой в пояс. Петерисик от испуга даже за бабусину юбку спрятался. А это дедушка оказался, он как раз из сталинских лагерей вернулся. Укоротил дед бороду, взял в руки столярный инструмент и вжик – плавная линия лошадкой запрыгала по доске. С тех самых пор Петерис решил стать художником: «О, это таинство линий: дайте крохе бумагу, карандаш, и он «сочинит» послание к нам с вами. А если малыша боженька к себе призовёт, письмо станет связующей нитью между ним и родителями. Теперь посмотрим на древнего старика в парке, который водит веточкой по земле: дано ли нам прочесть его пикторгамму? Мои рисунки тоже послание миру, я «шифруюсь» где-то между старым и малым – между прошлым и будущим».

Есть у Скайсткалнса «говорящий» рисунок. На переднем плане – крепкий крестьянин с окладистой бородкой. Идёт с сохой за лошадкой, споро множит пласты земли за спиной. А в чёрной реке жизни, что по-змеиному изогнулось слева от него, хороводятся стяжатели, сквернословы, пьяницы, убийцы... Они тянутся к нему, желая завлечь трудягу в свои сети. Только дедушка (это, конечно же, он) и не такое на своём веку пови-

дал: куда уж нечестивцам совладать с ним! А на юру, возле древа рода, высвечено аскетичное лицо подростка: «Это я себя нарисовал», – признался Петерис. Юноша всё видит с высоты своего времени, всё понимает, и он тоже не попадёт в тенёты. Ему и кряжистый дуб в помощь: вон как бережно приукрыл ветвями. Но житейская натуга уже обнажила корни верного стража солнечного латгальского хуторка. Петерис часто взбирался на свой дуб, и с возрастом всё выше, желая разглядеть, что там, за влекущими синими далями? Дорога надежд, тропа печали? Не ведал 15-летний хуторянин, уезжая в Ригу «учиться на художника», что скоро не станет бабушки Анны. Но и сегодня, ценимый и в Латгалии, и в Пскове Скайсткалнс, идёт по жизни под сенью её напутствия: «Кем бы ты ни был, Петерис, – будь человеком!».

Слова эти он расшифровал семилетнему сыну, когда они остались одни на белом свете, и, кажется, «сделал для него всё, что мог». Сын мог стать блестящим рисовальщиком, писателем (в мастерской пылится незавершённая книга), он очень начитанный, знает латвийскую историю, литературу. Сын мог бы, но...

Мир утратил чистоту. Чистоту ребёнка

В свои тридцать молодой человек гибнет с упрёком на устах: «Отец, ты обманул меня сказками о мире – мир живёт не по твоим правилам». Молох затянул сына в сети пьянства и сквернословия. Он «обрусел» до дикого оправдания: «Другим меня это общество не примет».

Есть ли смысл возражать Петерису, который полагает, что роковые страсти губят россиян, если уже не погубили. Где, скажите на милость, воспетый историей и поэтами русский характер с его созидательной силой и мощью? С высоты латгальского дуба и шестого этажа своей псковской мастерской художник Скайсткалнс так живописует нашу самость. Вот ку-

хонька, вся заплёванная, в окурках и пустых бутылках. Вот хмельной мужик в сапогах. Мужик пляшет, почти не отрывая ног от пола. Пляшет в полутьме, без музыки и зрителей, молча сжимая в руке древний символ русского патриотизма – топор.

Впрочем, таким вот забубённым, считает Петерис, сын мог стать в любой европейской стране: бездуховность не ведает границ. «Так скажите, что же мне теперь – обнять, полюбить такое «замечательное» общество? Я живу в нём, стало быть, принимаю его порядки, и уже этим виноват перед сыном. Мир утратил чистоту пятилетнего ребёнка, забыл путь к самосовершенствованию. Я не конкурирую с обществом, уступаю ему и отступаю – порой буквально в снег или в лужу: пусть торопыга спешит в свою суету».

По словам Петериса, человек не любит землю, он истощил её, закатал в асфальт поля, загрязнил: «Планету можно загрязнить даже предметами искусства. Когда человека провозжают за солнце, много лишнего остаётся. Как художник я желал бы оставить миру не больше трёх рисунков, сделанных благодаря высшим силам. Вы у меня ничего не купите, говорю я тем, кто приценивается к моим работам. Лучше я их вам подарю. А хотите поддержать завтрашний день художника – купите ему хлеба. Лучшие вещи тем более не должны быть запятнаны рублём. Я не представляю собой ни русскую, ни латвийскую культуры, я – человек мира».

Символ общества для Петериса – бесконечное шоссе, по которому мчатся стильные авто. А куда мчатся, зачем? Что в мыслях у человека за рулём – «срубить» с дерева жизни ещё одну веточку долларов, купить ещё один особняк? И вдруг стопор при дороге – художник с мольбертом. Что там, интересно, – думает ездок, – этот «безлошадный» чужак малюет? Выйти, что ли, взглянуть – и я ведь в детстве рисовал. Как славнo-то окрест: травка зелёная, птички поют. Может, и не след мне сегодня дальше гнать своего железного коня?

Да... Затейливая мечта – своего рода защитная реакция художника от реалий жизни, которую он воспринимает как комедию. «Представьте, – взывает к моему воображению Петерис, – пришёл человек в театр, актёры на сцене великолепно играют, весело до слёз и грустно – до смеха. Затем актёры и зрители меняются местами, спектакль возобновляется... И вот заскучал человек. Он ищет в темноте дверь, нащупывает её, толкает – навстречу солнцу, ветру, живой природе. А вслед улюлюкают: «Куда, зачем? Ты должен быть, как все».

Петерис считает, что он уже давно никому ничего не должен. Те, кому был должен, давно взирают на него с горних высей. Как, к примеру, тётушка Александра. Племянник силой воображения вознёс её в поднебесье. И посадил... на воздух, как на трон: «Ничего лишнего», – говорит он. На рисунке – прекрасная женщина со строгим ликом мадонны. Годы и пережитое не согнули её плечи и стан. Натруженные руки упокоились на коленях, они наконец-то получили отдых. А пообочь дымка лет уже размывает контуры дома и сада. «Я певец своего рода, хуторской художник, – констатирует Скайсткалнс. – Могу нарисовать домик, человека, дерево, если будет ощущение, что здесь прошла моя мама. Люблю Ригу, её старые кварталы. Тут слышу за спиной материнские шаги».

Наедине со всем, что люблю

Петерис жив святой любовью к родителям: «Они для меня дороже всех икон на свете». Через тридцать лет судьба свела семью в Латгалии, на родовом кладбище.

...Во времена красных галстуков с могил стали исчезать кресты: «Прочь фашистов! – скандировали юные варвары. Зрелая власть помалкивала, ибо на картах холм как место упокоения хуторян не значился. Мирская правда, что немцы погребены ниже, дурное дело не остановила. Пока бабушка

был жив, он обихаживал родные могилы. А потом... Потом гравийный холм приглянулся строительной компании. Шаг за шагом – и экскаватор подобрался к семейному некрополю. Петерис понял – родительский прах пора спасать. И принялся за работу: глубоки лютеранские захоронения – до двух метров. Вначале увидел отца, потом узнал маму: на ней было красное платье, как она и завещала в предсмертном письме. Петерис всплакнул, подержал в руках её юную косу...

«Нет родового кладбища – нет приюта и моему брэнному телу. Не хочу тлеть в содомическом сообществе. Я и супруге с дочерью наказал: когда наскучит мне жизнь, лет этак через сто, – поделился видами на смерть (или на жизнь?) Петерис, – погребите меня в лесу, заметите листьями и никогда не приходите». То не гордыня говорит в нём – нелюбовь к толпе во всех её ипостасях. Если проще, жаждет он пребывать наедине со всем, что любит. А любит он, например, зимушку, когда белый покров замечает следы людского хозяйствования в полях, в лесах, на реках. Благоговейно рисует псковские храмы в снежной кисее и старые дома, до последнего брёвнышка хранящие семейные тайны. Или сбегает из города на просёлок и, закутавшись во вьюгу, холодает, голодает, бодрит силу духа вплоть до самого рассвета.

Ему дано испытывать себя, отдаваясь во власть стихии. «Вообразите себе августовскую ночь, Чудское озеро в районе Замогилья, шикарнный берег с плёсом, звёздный поток, этот зов вечности, скользящий по волнам. И вдруг шальной ветер пригнал огромную тучу, поднял метровую волну – с Балтики шёл буран. Я бросился в озеро и поплыл. Никогда не забуду эту бурную ночь восторга, – вспоминает Петерис, – плыл, пока не стало дна, берега, звёзд. И помыслил я, борясь с волнами, холодом и тьмой, если нужен я миру – вернусь. В какой-то миг осознал, что спокойно держусь на воде, а грозная туча и не думает вредить мне – проливаться дождём. Значит, поживу ещё».

Вот уж действительно неисповедимы повороты судьбы. Не знает Петерис, куда она заведёт его завтра. А вчера, в час душевного надлома, судьба привела его в Святую Троицу. Шёл Петерис к ней и, не встретив ни одного человека, вошёл в Кром, поднялся на второй этаж, открыл дверь в большой зал – и там никого. Встал перед иконостасом в смятении душевном. И вдруг голос – внутренний: «Тебе рано сюда приходить, ты ещё не нуждаешься во Мне, сделай земные дела, а на твоё место сюда придёт другой человек. Возвращайся на свой путь, ты сильный». И не надо было ни рассказов, ни просьб, расправились плечи, и успокоилась душа. Вышел из Троицы и опять не увидел людей. Храм в этот час, как показалось Петерису, был открыт лишь для него одного.

Вот и идёт Петерис Скайсткалнс, сильный духовно и здоровый физически, предначертанным путём, стараясь никого не обидеть и никому не застить солнце. В задумках собрать под обложку, пусть и не с золотым обрезом, свои эссе, рассказы. А ещё – зарисовки о природе, искусстве, о себе, любимом. Есть планы и на последний день земного бытия. «В этот день, – возвестил Петерис, – я умою лицо, надену чистую чёрную рубаху (человек приходит в жизнь не красоваться), положу перед собой белый лист бумаги, карандаш... И не сделаю на нём ни одной линии. Это будет моё последнее послание миру. Художнику не по силам открыть все тайны жизни».

СТАНЕТ ЛИ ПСКОВ РУССКИМ АВИНЬОНОМ?

Театральные заметки

Театр в исторических памятниках «Карусель», созданный в 1988 году при Псковском академическом театре драмы им. А.С. Пушкина, хорошо известен в России как единственный репертуарный театр на открытом воздухе. Все эти годы колесо «Карусели» своей творческой мощью заряжает и раскручивает народный артист РФ Вадим Радун, создатель и художественный руководитель театра, постановщик всех его спектаклей.

Псков – один из древнейших русских городов, эпицентр многих исторических событий. Он и сегодня остаётся городом исконно русским со своей архитектурой и культурой. Здесь множество исторических и архитектурных памятников, дышащих древностью, создающих подлинность и чистоту атмосферы уличных представлений на историческую тему. Предельная натуральность исторических интерьеров – одно из достоинств театра «Карусель».

В репертуаре два десятка названий, большинство из них – представления на темы российской истории и государственности.

«Сказ о прихождении Стефана Батория на град Псков в году 1581-м» В. Карасева, «Легенда о княгине Ольге, царе Ивашке и псковской вольнице» Л. Мея, «Мистерия о Ваньке по прозвищу Каин, московском воре и лихом разбойничке, доносителе и сочинителе» Б. Хмельницкого, «Александр Невский» М. Варфоломеева, «Пётр и Алексей» В. Рецепттера, «Россия! встань и возвышайся» («Полтава») А. Пушкина, «Павел I» Д. Мережковского и А. Сеплярского, «Святой ратоборец Александр» В. Радун и Л. Никитиной, «Василиса Мелентьева» А. Остров-

ского, «Соловьиная ночь» В. Ежова, «Не покидай меня» А. Дударева.

С годами расширялся не только репертуар театра, но и география гастролей: Ивангород и Приозерск, Ярославль и Кострома, С.-Петербург и Выборг, Владимир и Вологда. Кстати сказать, «Карусель» – первый театральный коллектив, сыгравший свои спектакли в Петропавловской крепости и в Михайловском замке в С.-Петербурге. Кроме этого, театр успешно выступал на многих отечественных и международных театральных фестивалях, постоянный участник фестиваля «Голоса истории» в Вологде.

Театр открывает псковичам чудесные старинные уголки, играя исторические постановки у Гремячей башни, на пляже у Мирожского монастыря, на берегах Псковы, в Довмонтовом городе и у стен Псковского кремля, в Изборске, Печорах и Пушкинских Горах.

«Псковитянка»

Постановка имеет свою историю: созданная по мотивам пьесы Льва Мея еще в 1978 году Э. Вериги и В. Бухариным, она долгие годы была своеобразной «визитной карточкой» псковского театра. В 1989 году его адаптировали и «Легенда о княгине Ольге, царе Ивашке и псковской вольнице» украсила афишу «Карусели». Спектакль играли у Покровской башни, в Изборске, в Псковском кремле, Приозерске, Ярославле и Вологде.

В основе действия – легенда о приходе в Псков Ивана Грозного со своими опричниками. Раздавлив Новгород, лишив его «языка» – вечего колокола, царь двинулся на вольный Псков, и город ждала та же участь. Но этого не случилось и легенда объясняет, что в Пскове царь встретился со своей незаконнорожденной дочерью Ольгой, о существовании которой и не подозревал. Город был помилован, но мужественная «псковская вольница» и её предводитель Михайло Туча,

возлюбленный Ольги, – пали в боях с царскими опричниками. Узнав об этом, Ольга умирает.

Пролог – забавная скоморошина про царя Ивашку – легко и весело вводит зрителей в спектакль, постепенно действие приобретает тревожный ритм, и вот мы уже читаем одну из трагических страниц псковской истории. Драматические сцены сменяют любовные, сольные – ансамблевые, врываются конные опричники, гибнут защитники псковской свободы...

Сквозь дымный полог в проёмах колокольни появляются мерцающие огоньки свечей, будто души погибших, и смутно угадываются фигуры людей за ними: на этом фоне звучит мучительный и страшный диалог Ивана Грозного (н. а. РФ Иван Криворучко) со своей совестью о невинно убиенных и замученных... Мироздание в образе луны взирает на окаянный трепет человеческой души молча и невозможно.

«Русский Дон Кихот»

Одноименная историческая драма Д. Мережковского с вкраплениями из пьесы А. Сеплярского «Павел I», воплощённая В. Радун в жанре мистерии, повествует о жизни и последних днях Павла I.

Жанр спектакля диктует сама русская история. В каком ещё жанре может быть произведено коронование трупа с участием его убийц?! Как это в духе Павла: не короновали отца при жизни, значит, он это сделает после смерти, но порядок будет восстановлен, упрочен. «Павел I» – о страданиях маленького человека, обречённого быть царём, но вынужденного десятилетиями ждать законного места на троне, и о странных метаморфозах его личности. О том, как, став монархом, он ничего не смог переделать в своей огромной державе, – оказывается, не власть решает всё, а нечто другое...

Режиссёр надеется влюбить зрителя в венценосного героя: ведь личность Павла действительно интересна и многогранна. Он был блестяще образован, знал несколько языков,

имел профессиональное архитектурное образование... Его личность интересовала Л. Толстого, который мечтал написать о нем роман, А. Пушкина... Павел, по меткому замечанию А. Герцена, «русский Дон Кихот», был сторонником рыцарской чести и активно выступал против лжи, что его и погубило...

Мастерство нар. арт. РФ Владимира Свекольников в образе Павла I, немало способствовало удаче этого спектакля и было тут же отмечено критиками. «Какой замечательный актер, какая строгая кантилена трагической обречённости! На безжизненном бледном лице ещё живы только глаза – тёмные, без блеска, страдающие и пустые. Глаза Эрика, Гамлета, князя Мышкина! Те же «зоны молчания», та же пугающая сосредоточенность на чём-то самом главном... Непредсказуемость эксцентрических реакций, «рапидный» ритм. Такой Павел на фоне зрелища брутальной, «пикулевской выразительности», – писала «Культура» 25 декабря 1997 года.

Достоверность и остроту происходящему придавал спектаклю, не раз сыгранному в Михайловском замке в Петербурге, реальность места: здесь император провёл последние сорок дней своей жизни и в 1801 году был убит. Мираж, созданный талантливой игрой В. Свекольника, заставил всех поверить, что сам живой Павел объявился в окрестностях Михайловского замка. Вот он, бледный, с высоко поднятой головой и солдатской выправкой, отмеривает шаги по ступеням вверх, к трону, преодолевая страх и одиночество в душе, и чем ближе к трону, тем короче его жизнь. Как отметила Е. Сизенко в той же «Культуре»: «Площадной, «конный», подчас избыточный Радун, каким его знают в театральной России, Радун, выходящий на встречу со зрителем, как на корриду, вдруг поверил в ... тишину. Она стала нужна ему, когда он заговорил о личном, выстраданном и трагическом несовпадении личности и времени, о её изначальной обречённости.

На четвёртом фестивале исторических спектаклей «Голоса истории», проходившем в 1997 г. в г. Владимире, приз

за лучшую мужскую роль был отдан В. Свекольникову – исполнителю роли Павла I. Артисту и постановщику спектакля были вручены иконы Владимирской Божьей Матери, исполненные матерскими мастерами.

В псковском клубе коллекционеров выпущена марка с изображением артиста В. Свекольникова в роли Павла I, а так как российский император был магистром Мальтийского Ордена, эта марка заинтересовала музей Мальты, где сейчас и хранится в 2-х экземплярах.

В августе 2011 года спектакль «Павел I» сыгран в Гатчине на 165-летие открытия памятника Павлу I.

Дворцовые утехы на лоне природы

Премьера спектакля «Василиса Мелентьева» состоялась в дни празднования 1100-летия упоминания Пскова в летописи и была разыграна артистами псковского академического театра драмы им. А.С. Пушкина у Гремячей башни в июле 2003 года. На большой сцене спектакль открывал 98-й театральный сезон.

Как создавалась пьеса

Драма написана А.Н. Островским в 1868 году при участии С. Геденова, директора Императорских театров. В «Воспоминаниях об Островском» этот эпизод рассказан самим драматургом: «Генерал написал хронику «Василиса Мелентьева» и призвал меня, чтобы я переработал сюжет и придал пьесе литературную форму».

В результате переработки первоначальный замысел банальной мелодрамы о любви Колычева и царицы Анны превратился в художественную историческую драму с реалистическими образами, а вялый прозаический стих – в превосходную стихотворную речь.

Из истории постановок

Первое исполнение «Василисы Мелентьевой» состоялось 3 января 1868 года в Москве, в Малом театре, в бенефис артиста Прова Садовского, исполнившего роль опального боярина Воротынского. Василису играла Гликерия Федотова. Через неделю премьера прошла и в Петербурге на сцене Мариинского театра.

В 1872 году драма была запрещена цензурой для постановки в провинциальных, частных и народных театрах и исполнялась по особому ходатайству губернаторов.

На псковской сцене «Василиса Мелентьева» была поставлена несколько раз. 16 апреля 1906 года постановка открыла летний сезон в Народном театре Сергиевского сада. 27 августа 1923 года в новой постановке А.Н. Медведевой драма шла на сцене Народного Дома. В 1934 году на псковской сцене драма «Василиса Мелентьева» в постановке А. Турцевича была представлена Ленинградским Малым драматическим театром. В 1958 году на псковской сцене «Василису Мелентьеву» поставил режиссёр В.В. Истомин-Кастровский. В роли Ивана Грозного выступил засл. арт. РФ Виктор Лукин, Нина Полонская играла Василису Мелентьеву, Малюту Скуратова играл Алексей Алексеев.

«Василиса Мелентьева», 2003

«Василиса Мелентьева» 2003 года возникла не случайно. Театр искал добротный исторический материал, на основе которого можно поставить спектакль, посвященный 1100-летию Пскова, и сыграть его у стен Покровской башни. В.И. Радун предложил сыграть спектакль внутри обезглавленной пожарной Покровской башни. Казалось, что теперь-то театр вернётся в Покровский комплекс, где в 1988 году началась история «Карусели». Играть внутри Покровской башни – та-

кого ещё не было. Это смелое решение поначалу находит поддержку у городских властей. Разрабатывается технический проект, придумывается остроумный способ закрытия сгоревшего купола башни, делается макет с multifunctional декорацией – художником выступает сам режиссёр. Предполагается, что спектакль внутри башни смогут посмотреть триста человек, для этого предусмотрены сидячие места в нишах. Но местное казачество, «приватизировавшее» Покровский комплекс, воспротивилось самой идее представлений в этом месте. Воевать с ними никто не взялся, а «Василиса Мелентьева» прекрасно вписалась в исторический ландшафт Гремячей башни и во внутренний дворик Поганкиных палат.

Дворцовые утехы

«Василиса Мелентьева» – своеобразная любовная история на фоне политических интриг при дворе Ивана Грозного. Молодая вдова Мелентьева пытается известить царицу и занять её место возле Ивана Грозного. Руководит, разжигает и направляет её страсти сам подручный царя Малюта Скуратов. Ей удастся обольстить царя, но любит-то она другого – Андрея Колычева. Засл. арт. РФ Н. Чепайкина играет вспышки страсти, которые надо гасить и прятать ото всех, сердце тянется к любимому, а хитрый ум к интриге: вот и колдует она, ворожит, мечтает царицей на троне себя увидеть. Невдомек ей, глупой бабе, что она всего лишь орудие в кознях Малюты. Так и погибает, проговорившись во сне о своём любимом, не успев стать царицей.

Василиса ведёт любовную линию, в политической – главный Малюта. В исполнении народного артиста РФ В. Свекольникова, артиста внутренне сильного, он становится смысловым центром спектакля. Вальяжный и спокойный, ведёт он следствие, приговаривая неугодных одним движением руки. Здесь нет необречённых, даже временно удобные

попадают под кровавую мясорубку грозного царя. Один Малюта кажется самой устойчивой фигурой у трона. Царь в исполнении заслуженного артиста РФ В. Яковлева стар и немощен, он, то ли говорит, а то ли дремлет, но ухо держит остро, когда надо встрепетаться и что надо услышит, даже растаяв от любви к приветливой вдове, ни минуты не раздумывая шлёт её на казнь, узнав, кого та любит.

Закрытый со всех сторон двор Поганкиных палат концентрирует внимание на событиях спектакля и душевном состоянии героев. Вот, маясь и мучаясь невниманием царя, выходит бедная царица Анна (О. Журавлева), будто предчувствуя, что недолго осталось ей жить.

Гармоничное соотнесение действия и исторической среды – крепкие стены белокаменных палат, высокое крыльцо, сам дворик Поганкиных палат, точность режиссёрских задач, естественность и мастерство актёров в воплощении сложных чувств своих персонажей, смогли вывести мелодраму А.Н. Островского на уровень нравственных и философских вопросов, поставив проблему ответственности неограниченной власти перед лицом человеческой судьбы.

Думая о будущем...

В. Радун давно и упорно бьётся за то, чтобы театр «Карусель» из маленького и провинциального Пскова приобрёл широкую известность и признание. Надо сказать, что ему это удалось, вопреки препонам, чинящимся в разные времена. Театр, задуманный им как грандиозные народные гулянья с большой культурно-развлекательной программой перед спектаклями, пропагандирующие исторические памятники Пскова, «оживляющие» их, мог стать хорошей приманкой для туристов и украшением городской жизни, – мог, но не стал. И не вина известного режиссера, рождающего такие проекты, что театр «Карусель» на многие годы был отлучен от

псковичей и странствовал по городам и весям. Стал известным во всей России. Но время упущено. Теперь городские власти с удовольствием отдают площадки приезжим, загоняют молодёжь на стадионы и максидромы, активно внедряют в жизнь города карнавал...

Радун отстаивает свою точку зрения: «Вы говорите «театр на открытом воздухе». Я такого театра не признаю, я признаю «театр в историческом памятнике», а это совершенно разные исповеди. Я пытаюсь создать театр, в котором бы всё подчинялось реальному историческому пространству, чтобы вписаться в него – пролететь и исчезнуть. Многие уже удалось в Петропавловской крепости, в Михайловском замке, в Покровском комплексе. Театр в историческом памятнике требует своих законов: кроме текста пьесы, мне нужен голос космоса, свет луны, мерцание звёзд, мне нужны шорохи, совершенно другие и совершенно конкретные объёмы существования личности человека «рядом с памятником».

И где, как не в Пскове, с его многочисленными закоулками и тайными местечками, соборами и площадями, берегами рек и крепостными стенами можно играть спектакли, расположить зрителя, не нарушая исторических пластов? Где, как не в Пскове, можно проводить открытые исторические фестивали? Есть аэродром, на котором и «боинг» приземлится, есть железнодорожная станция, рядом Новгород... Псков исторически создан для русского Авиньона!

Острый взгляд и горячее сердце

Бытует расхожее мнение, что писателями нынче лет этак в 40–50, да и вообще писательские союзы «состарились», так как на слуху одни и те же имена.

Этот упрёк вряд ли применим к Псковской писательской организации. Только год тому назад в Союз писателей России были приняты три новых автора и среди них – Константин Полупанов, военнослужащий из Острова, которому на тот момент было всего 23 года (что стало событием во всероссийском масштабе).

С молодыми литераторами, только пробующими перо, не первый год успешно занимаются известные писатели: Александр Бологов – в педагогическом институте (ныне – Псковским педагогическим университетом), Александр Казаков – в Доме детского творчества г. Пскова, Ирена Панченко – в областной очно-заочной школе юного поэта, открытой при Псковском областном Доме детства и юношества «Радуга»; в 2011 году она провела свой третий набор. Всё это помогает выявить молодёжь, всерьёз увлечённую литературным творчеством. Большую работу в этом направлении проводят областные библиотеки, областной Центр народного творчества, Дом детства и юношества «Радуга», общеобразовательные школы и лицеи, где есть учителя, заражающие ребят своей любовью к литературе, не жалеющие своего времени и душевных сил для работы с детьми.

Именно благодаря таким учителям – энтузиастам в МОУ «Средняя общеобразовательная школа № 24 им. Л.И. Малякова» в Пскове вот уже третий год работает литературный клуб «Геликон», а руководят им учителя русского языка и литературы Э.И. Корепина и С.И. Магера. Одно из направлений деятельности клуба – литературная студия, душой которой

является Э.И. Корепина. Члены клуба изучают особенности литературного творчества, знакомятся с произведениями классиков, а главное – активно участвуют в различных литературных конкурсах и – побеждают. Наиболее успешные из них – Галина Дмитриева, выпускница школы, старшеклассники Анна Кравчук и Артемий Трусов успешно приняли участие в межрегиональных конкурсах Центра Национальной Славы России в Санкт-Петербурге «Служение Отечеству: события и имена» и «Древнейшие города России. Истоки российской государственности» в 2011 году. Галина Дмитриева стала также дипломантом XI Всероссийского детского фестиваля «Мой Пушкин» (ПОДДЮ «Радуга») и дипломантом российско-белорусского конкурса эссе «Герой нашего времени» (псковская областная научная библиотека).

Литературный клуб «Геликон» сотрудничает с ПОДДЮ «Радуга», где в «Школе юных поэтов» совершенствуют своё мастерство многие члены клуба.

А год назад в Пскове открылся Молодёжный центр, одним из направлений его деятельности стала поддержка талантливейшей молодёжи в сфере литературы и искусства. Уже первые литературные конкурсы привлекли большое количество участников. Кстати, член клуба «Геликон» Анна Кравчук также была в числе тех, кто прислал свои стихи на конкурс поэтов «Чернильница». Жюри конкурса обратило внимание на творчество двух молодых участников – Киру Харлашову и Сергея Чалова. А проведённый в октябре – ноябре 2011 года конкурс прозаиков показал, что молодые литераторы имеют пытливый ум, чуткое к чужой беде сердце и твёрдое перо. Работы Марии Михайловой, Леонида Мелехова, Сергея Гайдамакина были единогласно отмечены жюри как лучшие.

Этих творчески одарённых авторов мы и представляем на страницах нашего сборника.

* * *

У холма в Изборске ты замри,
На мгновенье затаи дыханье,
И услышишь, как заговорит,
Оживёт старинное преданье...

Исполином крепость вознеслась
Недалече от Жеравьей горки.
Правил здесь могучий Трувор-князь,
Твёрдою рукой и взглядом зорким.

За глубоким озером – овраг,
С необъятным рукотворным валом;
Всё сметёт однажды вражья рать.
Что так часто город осаждала.

Было так: предательство бояр
Немцам на Изборск открыло путь,
И в боях жестоких витязь пал.
Волю Псков помог ему вернуть...

Срок прошёл, и выпал вновь удел:
Покорённым быть ордой ливонцев –
Стоны избороян и горы тел,
Море крови, что затмило солнце...

Невский супостатов-кнехтов бил,
Но опасность всё ж не миновала –
Оттого над горкой с парой крыл
Крепость, что прочнее прежней, встала!

Кладка мощных стен теперь – как сталь.
Рвы на новом месте пролегли,
А врата тяжёлые, как встарь,
На затвор закрылись изнутри.

Много snёс с тех пор Изборск осад...
Каменные башни появились,
И врагов полки ещё не раз
«Крепости железной» уstraшились!

Стихнул бой последний, отшумел.
Витязь-крепость всё стоит на горке...
Вспомним время славных, добрых дел,
Помянём бойцов слезою горькой!

Снова взгляд Изборск свой устремил
На границу, за рубеж тревожный.
Он не раз для Родины свершил
Подвиг, что казался невозможным!..

БОРОДИНО

Сентябрьский прохладный день. Приток Колочи. Речка Война.
Сtoneц. Огник... – здесь всё кругом обагрено славянской кровью!

Здесь тысячи чугунных тел извергли пушечные жерла,
Здесь Бородинский бой гремел, рвались натянутые нервы.

Француз, бельгиец, австрияк с российской сходились ратью...
Всех русский сокрушил солдат, осиян Божьей благодатью!

Мольбы Кутузов обращал, и Богородица вступилась:
Победу нашим Бог отдал, судьба кампании решилась!

Пускай российские сыны бесcчётно в этой битве пали,
А трупов страшные холмы уже зимою погребали.

Повержен был Наполеон! Москва пощады не давала:
Огнём непрошенных гостей да крысами лишь угощала.

И гнал полки врагов мороз вконец разграбленной дорогой.
За грабежи, за море слёз с пришельцев тех спросили строго.

Рычание, крики, стоны, вой – вот как солдаты Бонапарта
Прощались с русской стороной... Всё! Бита вражеская карта!

Несокрушима наша мощь! Отваге русской нету меры!
Мы никому не отдадим на поруганье Отчей веры!

ИЗБОРСКУ – ЗАЩИТНИКУ ЗЕМЛИ ПСКОВСКОЙ

Ты пронёс своё имя гордо,
Не сломился от страшных бед,
Не склонил головы непокорной
Больше тысячи с лишним лет!

Твои стены, холмы неприступны,
И не властен над ними тлен.
Как всегда, ты стоишь на страже,
Не сдаёшься ветрам перемен!

Знаю точно: и через годы
Не упасть, не исчезнуть крестам.
Вопреки всем врагам и невзгодам
Не умолкнуть Священным Ключам!

Я умоюсь водою святою,
Воздух свежий в себя вдохну
И с твоею, Изборск, красотой
Будто заново жить начну!

Сердце снова ЛЮБОВЬ наполнит,
Древних предков услышав завет.
Возродится опять НАДЕЖДА,
И затеплится ВЕРЫ свет!

ИЗБОРСК

Словенские Ключи звенят от века, приветствуя пришедшую
весну.
И птицы гомонят на всю округу! Я в звуках торжествующих
тону.

С холма видны безбрежные просторы, над ними башни
древние парят:
То в небо устремился вольный город, что вражьих много
выдержал осад.

В былые дни, исполнясь духом ратным, родные защищая
рубежи,
Плечом к плечу вставляли псковитяне – могучи, как дубовые
крязи.

И честь, и правду отстаять умея, не покорялся ворогу
Изборск.
Он – наш форпост из глубины столетий, корнями в нашу землю
крепко врос.

Какие б ни случались перемены, как ни суровы были б
времена,
Все недруги должны вперёд усвоить: пока стоит Изборск –
жива страна!

ГРУСТНАЯ ДЕВОЧКА

Площадь комнат – безумие. Тюрьмы квартир
Распалённые души в себе заключают.
И, охрипший от осени, слышит весь мир,
Как я вою в подушку: «Скучаю, скучаю...»

Пол. Бетон. Потолок. Между ними – стекло.
За стеклом – крик ворон. Всё готово к морозу!
Твои руки – единственное тепло,
И без них холоднее, чем по прогнозу.

Брошусь в улицу! Разницы нет, где сгорать
Чувством. Вышла отчаянным маршем.
Покрывалом пернатым чернильная рать
Обнимает пространство над Детским и дальше.

Разве можно одеть в равнодушие фраз
Нежность-пламя, что больше, чем тело?
Я не знала такого! Для любящих глаз
Самый яркий пейзаж – бесполезный и белый,

Если рядом не ты. Вспомню море порой,
Побережье, где нет домов-паразитов.
Восстаёт ледяною солёной горой
Грохот волн до небес – первозданно-сердито.

Там огромные чайки и видно маяк,
Что осколком звезды засиял ниоткуда.
Я сижу и читаю. Ты пишешь: «моя»,
И не море, а слово мне кажется чудом.

...Лица-пластик прогонят из улицы прочь.
Через мили тебя обнимаю печалью.
В сон больной провалилась. И услышит вновь ночь,
Как я вою в подушку: «Скучаю, скучаю...»

ТРУБЫ НА КРЫШАХ МОЕГО ГОРОДА

Трубы на крышах древнего города.
Боязно ветер гуляет по улицам.
Тёплый денёк; отчего же так холодно?
Солнце – в глаза, и приходится жмуриться.

Мир, что вокруг, – он такой неприветливый;
Я же котёнок, промокший и маленький.
В чередование закатов с рассветами –
Серое небо и крыши под лапами.

Путь бесконечный мой между антеннами,
Под хаотичное ветра кружение.
Всё, что внизу, ограничено стенами.
Я на краю прекращаю движение.

Хочется вниз, но мы, кошки, – живучие.
Хочется взвыть, но у нас так не принято.
Хочется, чтоб сквозь метели колючие
Кто-то позвал меня – тихо, по имени...

Смены сезонов по расписанию,
Дни, друг на друга до боли похожие.
Давят на психику мрачные здания,
Лужи, машины, собаки, прохожие.

Это пройдёт: всё когда-нибудь кончится.
Шрамы на шрамах... Бывает. Случается.
Просто сработал капкан одиночества;
Только вот выбраться не получается.

Всё бесполезно – на шкуре проверено.
Крыши и ветер – удел для бездомного.
Здесь – только небо – жестоко-весеннее,
Близко-далёкое, ясно-бездонное.

Трубы на крышах старого города,
Солнечный мир моего одиночества...

«БЫТЬ ЗДОРОВЫМ – ЭТО МОДНО»

Эссе

С недавних пор Евросоюз, да и, в целом, весь мир находится в состоянии эйфории, ведя активную борьбу против курения и алкоголизма. Жёлтая пресса пестрит различными статьями, открывающими нам печальную правду бытия за морских курильщиков, которые копят в своих кожаных бумажниках штрафы за курение в общественных местах. Мы из раза в раз, обращаясь к «большому брату», обитающему в наших телевизорах и журналах, узнаем о некоем мистере Брауне, который лишился своих водительских прав после неудачного теста на обнаружение алкоголя в крови, и о миссис Грин, которую приговорили к общественным работам, застав её за вождением в нетрезвом состоянии. Борьба за здоровье ведётся не на жизнь, а на смерть, причём фразеологизм «на войне все средства хороши» идёт в ход как аксиома. Под девизом «освободим легкие от никотина» надвигается мировое Министерство Здравоохранения на табачные кампании, держа в руках флаг с изображением разлагающихся лёгких. Чем же мотивируется это благое движение за улучшение уровня жизни социума?

Здоровый образ жизни в наше время возводится в культ. Его сторонники проговаривают у себя в голове фразу «Я веду здоровый образ жизни» ровно столько же раз, сколько молодая модель вторит про себя «Я ношу Prada». Кичась своим образом жизни, молодой спортсмен сподвигает своих друзей перестать употреблять алкогольную продукцию и никотиновые палочки, не забывая привести себя в пример. Именно плохая самооценка и желание выделиться, быть ближе к идеалу – вот подсознательная мотивация «новых Шварцнегеров».

Не секрет, что в одной сигарете содержится 40 из 75 канцерогенов, которые, попадая в лёгкие, рассасываются в крови. И тут запускается дьявольский механизм кровообращения, в процессе которого эти вещества проникают в стенки всех органов и, в частности, в мозг. После того как человек «подсаживается» на никотиновую продукцию, он автоматически расторгает союзный договор со своим телом и духом, которые начинают падать в бездну, наполненную сероватым дымом. У Вас постоянные стрессы? Проблемы на работе? Вы хотите позволить себе возможность легко успокаиваться при поддержке компании «Winston»? Приготовьтесь к тому, что стрессов у вас будет ещё больше! Ваша нервная система придёт в нестабильное состояние, ваше мышление замедлится, а о внешности вообще не стоит говорить! Мало кому понравится жёлтый оттенок кожи и запах, исходящий от одежды, – тоже! Осознавая пагубность курения и употребления алкоголя, человечество станет отправлять табачные изделия в растопленные каминные, находящиеся в кабинетах врачей, начисто лишив их баснословных прибылей.

Играя на чувстве ущемленного эго, главы мировых стран выпускают всё новые и новые законы в сфере здоровья. Так, Интернет-издание «Правда» рассказывает нам о новом законе РФ: «Государственная Дума России приняла в первом чтении проект закона «О внесении изменений в Кодекс РФ об административных правонарушениях». Законопроект устанавливает наказание за курение ... вне специально отведённых мест для курения табака. В первый раз нарушитель получит лишь предупреждение. Если в течение года курильщик вновь нарушит закон, то он уже заплатит три минимальных размера оплаты труда (МРОТ)».

Звучит впечатляюще! Наше правительство заботится о нас! Наконец-то до нашего государства дошла тенденция, начавшаяся в США два века назад, согласно которой главным ресурсом страны является не капитал, а человек. Мы решили

соответствовать современным критериям развитого государства! Ага, как же! Где эти мистические места для курильщиков?! Где эти административные наказания за курение в неположенных местах?!

Совсем недавно мне посчастливилось стать свидетелем довольно забавной, а с другой стороны, дикой ситуации. Одним прекрасным вечером я ехал в автобусе, именуемом «единичкой». Путь лежал не близкий, и я не нашёл ничего более интересного, чем наблюдать за людьми, входящими в двери напротив меня. Время было позднее, поэтому, в большинстве случаев, передо мной появлялись подвыпившие парни с мозгами размером с орех (так я рассудил после того, как слышал их разговоры). На одной из остановок двери в очередной раз распахнулись, и по ступенькам в салон автобуса буквально вполз 45-летний... одним словом, существо, судя по его состоянию. В зубах у этой жертвы вредных привычек был зажат тонкий «Bond». Но поразил меня не сам факт существования этого человека, а то, что, держась за поручни, в течение еще двух минут он продолжал курить! Прямо в автобусе! Завидев происходящее, доблестная кондукторша в зелёной униформе сделала ему замечание, дождалась-таки, пока сигарета покинет свою обитель, то есть рот существа, и отправится в открытую форточку. Вот он – конфликт закона и действительности, надежд на светлое будущее и жестокого безразличия. Но удивляться нечего, издревле закон представляет собой лишь бумагу с кучей бессмысленных подписей, тем более, в нашей стране.

А ведь выгода от запрета курения очевидна, статистика утверждает: всеобщий отказ от курения может принести экономике страны 2,7 млрд. евро прибыли, если учесть, что станет меньше больных раковыми заболеваниями людей.

Видимо, не только работа о человеке и его состоянии волнует мировые державы. Мода на здоровье диктуется деньгами.

Нельзя также забывать о широком слое населения, охватывающем возрастную категорию от 14 и до 25 лет, которое

с жадностью сметает с витрин газетных ларьков весь глянец. В американском журнале «Men's Health» существует целая рубрика для подростков, озабоченных своей внешностью, повествующая как «с лёгкостью» бросить курить и пить, как начать вести здоровый образ жизни и понравиться противоположному полу. Благодаря этой рубрике, журнал зарабатывает миллионы долларов. Так же, как «Vogue» диктует нам, что носить, дешёвые СМИ указывают нам, какие приоритеты надо выставлять по жизни. «Большой Брат» работает усердно, зарабатывая на нас огромные деньги.

Однако, если подсчитать, сколько зарабатывают табачные и производящие алкоголь компании на людях, которые не располагают силой воли, то можно с лёгкостью заметить, что «Philip Morris» может превратить одну из отсталых африканских стран в экономического конкурента Англии или США.

Деньги, друзья! Именно деньги, эти маленькие зелёные бумажки правят бал в нашей жизни! И битву за здоровье выигрывает та сторона, которая отмывает на этом больше валюты.

Мода на здоровье. Звучит многообещающе. Кажется, эту фразу надо читать с благоговением, но почему-то, когда в мой мозг въедается это словосочетание, сложный мыслительный процесс начинает свою деятельность, скрипя шестерёнками, от металлического скрежета которых мне становится тошно. Если бы только борьба за здоровый образ жизни мотивировалась лишь бескорыстными намерениями, то я бы к ней присоединился, а пока остаётся только размышлять, на какую сторону экономических войн стоит перейти.

Хотите, чтобы ваши глаза сверкали блеском «Cartier», а тело было столь же совершенным, как костюм от «Armani»? Следите за модой, она наставит вас на путь истинный.

ОТЕЦ ОБЕЩАЕТ

Рассказ

Прости меня, сынок. Я так виноват. Я виноват перед тобой, перед мамой. Я один. Я один виноват во всём.

Боюсь... Я боюсь, что так никогда и не найду в себе смелости сказать тебе... Поэтому я пришёл к тебе сейчас, ночью, когда ты спишь, чтобы сказать это. Ты спишь в маленькой комнате, а твой слабый отец пришёл к тебе, чтобы просить прощения.

Это всё моё безволие, сынок. Господи, пусть твоя жизнь сложится иначе! Пусть ты не будешь похож на меня, пусть ты не будешь поступать так, как я поступаю. Ты должен быть сильнее меня.

Понимаешь, когда я пью... Даже сейчас, когда ты так тихо спишь, я от стыда не могу на тебя посмотреть. Но я так дальше не могу, я должен высказаться, пусть даже так, молчаливо, сидя перед твоей кроватью. Я так устал.

Понимаешь, сынок... Ведь я даже сам не могу сказать, почему я пью. Вот тянет к бутылке, и всё. Да ведь и с мужиками в сервисе ну как не выпить... Все же пьют. Так уж сложилось, повелось. Хотя я сам виноват.

Помнишь, когда ты пошёл во второй класс, у мамы не было денег, чтобы купить тебе новые учебники, и пришлось покупать с рук, старые. Сынок, я всё понимаю. Я понимаю, тебе неудобно, стыдно перед одноклассниками за такие учебники, когда ты достаёшь их из ранца. У других хорошие, новые учебники, в блестящей обложке, а у тебя тусклые и рваные. Помнишь, ты пришёл один раз из школы и рассказал маме, что тебя в школе дразнили из-за этих учебников? Прости меня, сынок.

Помнишь, прошлым летом мы зашли в магазин игрушек, и ты зачарованно смотрел на железную дорогу? Там были рельсы, которые надо собирать вместе, три вагона и паровоз. Нам показали, что на паровозе можно нажать на кнопку, и загорится лампочка, как фара. Тебя было не увести от витрины, ты мог разглядывать паровозик часами. Я никогда не забуду, сынок, как ты смотрел на эту железную дорогу. Для тебя тогда это была самая прекрасная, самая нужная вещь в мире. И как ты чуть не заплакал, когда мы вышли из магазина на улицу. Через две недели у тебя был день рождения, мама взяла денег в долг на работе и пошла покупать тебе эту железную дорогу, но её в магазине уже не было. Наверное, её купили другому ребёнку. Такому, чей папа не пропивает зарплату. Мама тогда купила тебе новый ранец в школу. Ты обнял маму и поцеловал, но я же видел – ты всё-таки надеялся на железную дорогу.

Прости, сынок, иногда получается так, что я прихожу домой пьяным. Я вижу – ты тогда боишься меня. Ты бежишь к маме и становишься рядом с ней и смотришь на меня и не узнаёшь. А мама в такие моменты больше всего боится, как бы я не ударил тебя, но ты не бойся, сынок. Я никогда не подниму на тебя руку. Но мама всё равно боится, берёт тебя, и вы уходите ночевать к соседке. Потом ещё несколько дней я вижу, ты боишься меня, даже когда я сажаю тебя на колени, ты всё равно не доверяешь мне. Прости, сынок.

Прости за то, что тебе стыдно приводить домой своих друзей. У нас старый холодильник, мы уже очень давно не делали ремонт, у нас нет телевизора. Маме недавно пришлось продать его по объявлению. У мамы всего два старых платья, а одежду для тебя она покупает по объявлению, какую удастся купить. Мама старается купить тебе вещи на вырост, и тебе очень стыдно в школе за эту одежду. Всё это я понимаю, сынок. А ведь ещё несколько лет назад мы жили иначе, сынок, мы же хорошо жили. Мы два раза съездили в отпуск летом за границу, часто ходили в парк, ты катался на

лошади... Помнишь? Мама тебя фотографировала, когда ты сидел верхом на лошади, помнишь? У нас где-то есть эти фотографии. И с лошадью, и где ты на аттракционах... Ты там такой счастливый... Прости, сынок, теперь это бывает так редко. Это моя вина.

Если мы с мамой разойдёмся, ты не вини её потом, сынок. Она говорила, что хочет уехать в Волгоградскую область, к своей маме, твоей бабушке, и забрать тебя, сказала, что так всё равно жить невозможно. Я всё понимаю, мама боится за тебя, сынок. Может быть, у тебя потом будет другой папа, лучше, чем я, который не пьёт. В семье, где отец пьёт, жить плохо. Без денег, без спокойной жизни, без радости, без отца...

Но ведь я же всего этого не хочу, сынок! Я не хочу пить и пропивать все деньги. Пойми, так... получается, что ли... Оно ведь как-то само собой. И знаешь, что нельзя пить, и понимаешь, а всё равно – тянет.

Ну а те, которые не пьют, они же лезут наверх, топчут других, всё норовят чего-то добиться, урвать, выбратся повыше... А зачем? Для чего? Мне этого не нужно, сынок. Я только хочу, чтобы тебе и маме было хорошо, чтобы вы счастливы были, вот и всё. А карабкаться вверх, льстить и унижаться, плести интриги, чтобы место и награда достались тебе, а не другому – этого я не хочу. Я хочу, чтобы ты у меня хорошим человеком вырос, сынок. Чтобы о тебе все знали, что ты хороший, достойный человек, что ты не будешь топить другого, чтобы урвать себе кусок послаще. И ещё хочу, чтобы ты не пил, как я.

А знаешь, что, сынок? Я ведь брошу пить. Я ведь решил. Всё. Хватит. Это я твёрдо решил. Теперь уж я не отступлю. Ведь сегодня пятница, сынок, а я ни рюмки не выпил. После работы ребята в чебуречную звали, выпить, а я не пошёл. А знаешь, почему, сынок? Не хочу, чтобы тебе и маме плохо было. Ведь маме тоже очень тяжело. Ей ведь всего тридцать с небольшим, а выглядит она на все сорок пять, она плачет

часто. После того, как мама берёт тебя и уходит ночевать к соседке, тётё Наташе, эта соседка потом, если в подъезде встречаемся, так на меня смотрит, ну, словно убить готова. Я понимаю, что было вечером – ты спишь в большой комнате, держишься ручками за одеяло крепко, а мама с тётёй Наташей сидят на кухне, у мамы в руках чашка с чаем, и она говорит тётё Наташе, как ей тяжело, и плачет. И ведь ей действительно очень тяжело. У тётё Наташи тоже муж пил, но они развелись. Так что тётя Наташа маму понимает.

Я тебе обещаю, сынок – я больше не пью, ни капли водки никогда не выпью. А теперь дай я тебя поцелую. Ведь сегодня от меня ничем плохим не пахнет.

СЕКРЕТИК

Рассказ

*«Нет ничего тайного, что не сделалось бы явным;
и ничего не бывает потаённого, что не вышло бы
наружу».*

Библия от Марка. 4:22

Ехали мы, как всегда, долго и по плохой дороге, а когда добрались до нашего дачного поселка, мама вышла из машины и сказала:

– Мить, погуляй пока: там краску выветривать надо. Часик, не больше. И далеко не ходи.

– Перекусить бы...

– Потерпи маленько, я что-нибудь приготовлю. Через часик. Хорошо?

– Ладно.

Я посмотрел на часы – было десять утра – и пошёл по тротуару вниз, к реке. Лето выдалось жарким, солнце палило нещадно, и на лицах дачников уже виднелся его красный отпечаток. Но вдали, над старой башней, висели серые тучи – предвестницы грозы.

На берегу было безлюдно и тихо, и лишь чайки раздражали утреннюю тишину своими пронзительными криками. Раскидистая старая ива, одинокая спутница речного берега, склонив ветки до самой земли, плакала белыми слезами. Лёгкое дыхание ветра осторожно касалось её листьев, будто священной тайны, которую скрывает в тени дерева сама природа. Речка ещё не прогрелась, и я, так и не решив искупаться, отошёл от воды. Недалеко от ивы стояла скамейка, я присел на неё, и перед моим взором опять оказалась башня.

Видимо, эта древняя постройка – местная знаменитость: помнится, мама говорила, будто в башне обитает добрый гном, который исполняет желания. Туда нужно прийти, найти какой-то красный камень, дотронуться до него, закрыть глаза и загадать заветное желание, и оно вскоре обязательно сбывается, если никому о нём не рассказывать.

«Обязательно схожу туда завтра», – подумал я.

Но вдруг ход моих мыслей прервало чьё-то тихое сопение, и я понял, что на берегу есть ещё кто-то кроме меня. Этот кто-то неторопливо пробирался сквозь заросли ивняка, и уже через несколько секунд ожидания я увидел того, кто прятался в густой листве.

К моему большому удивлению, это была девочка с огромной лопатой в руке. Она медленно прошла мимо скамейки, не замечая меня. Судя по осторожным движениям девочки, она только что совершила какое-то важное таинство, видимо, думая, что здесь её никто не видит.

– Ну всё, теперь-то точно не найдут: теперь он спрятан надёжно! – смеясь, сказала она и остановилась, чтобы поправить спутавшиеся льняные волосы. Сейчас девочка стояла спиной ко мне, в двух шагах и разговаривала сама с собой.

– Ни один глупый мальчишка не додумается здесь искать...

Я осторожно, чтобы не напугать, коснулся рукой её плеча и спросил:

– А кого они хотят найти?

Девочка быстро обернулась, и я увидел её испачканное лицо и большие голубые глаза, в которых застыл испуг. Она была похожа на смешного чертёнка из мультика. Это зрелище произвело на меня такое сильное впечатление, что я рассмеялся.

– Не кого, а что, – сердито поправила меня девочка, деловито подтягивая сползавшие гольфы, – а что именно, не скажу. Ты кто такой? Я тебя здесь раньше не видела.

С трудом уняв смех, я протянул ей руку:
– Дмитрий. Можно Митя.
Девочка положила свой инвентарь на песок и, вытерев перепачканные землёй ладошки о платье, пожала мою руку сразу двумя своими.
Я опять рассмеялся и сквозь смех спросил:
– Ты что, здороваться не умеешь? Здороваются одной рукой, правой.
– Извините, – сказала девочка, протянув мне правую руку, и улыбнулась. – Катя.
– И всё-таки, что ты там делала? – кивнул я на заросли, из которых она выбралась.
– А ты никому не скажешь?
– Никому.
– Точно? Поклянись!
– Клянусь!
– Хорошо, скажу, – она огляделась по сторонам, – секретик закапывала.
– Что? – не понял я.
– Секретик. Ты что, – удивилась Катя, – никогда не видел секретиков?
– Нет...
– Ну ты даёшь! А наши мальчишки только и делают, что разоряют их. Нет такого места, где они не находили бы секретиков. Вот я и подумала: может, здесь не найдут, под ивой? Это далеко от наших домов.
– А где твой дом?
– Я живу вон там, – Катя махнула рукой в направлении деревни.
– Где башня? – уточнил я.
– Да, рядом с башней. Синенький домик. Там я живу с мамой, братиком и отчимом.
– Ты живёшь с отчимом? – неприятно удивился я.
– Да, мой папа бросил нас, когда мне было два годика, а дядя Володя нам помогал, и мама вышла за него замуж. А потом

родился Виталька. Он такой хорошенький! Ему полгодика всего, а он уже такой крепыш! Хочешь, пойдём к нам в гости?
– Не, я к себе... мама ждёт.
– А ты где живёшь?
– Мама купила недавно дом. Видишь, рядом с красным кирпичным деревянный стоит? Это наш...
– Ты дачник? – спросила Катя. – Там, где твой дом, – это уже дачный посёлок.
Я пожал плечами:
– Ну, если можно так выразиться, то дачник.
– А дачники все такие: приезжают, уезжают... Ты тоже скоро уезжаешь?
– Да, завтра вечером, наверное.
– Ну вот, я была права, – почему-то вздохнула Катя.
Она подошла к речке, зачерпнула рукой воды, умылась, потом взяла лопату, помахала рукой и убежала в сторону дома. Я тоже отправился к себе.
Когда я пришел домой, стол был уже накрыт, и я с аппетитом приступил к обеду. Я ел и улыбался сам себе, потому что глупая девчонка с лопатой не выходила у меня из головы.
– Что тебя так смешит? – спросила мама.
– Да так, с девчонкой одной познакомился на берегу. Катей зовут. Смешная такая!
– Что же в ней смешного?
– Она – малявка, лет восемь, а ходит вот с такой лопатой, секретики закапывает в тайных местах, чтоб никто не нашёл. А я её подкараулил... Если бы ты видела её лицо!
– Не разорил секретик? – прищурилась мама.
От неожиданности я захлопал глазами.
– И ты знаешь про секретики?
– Ещё бы! – рассмеялась мама. – Сама в детстве делала, а соседский мальчишка Ванька Фролов вечно раскапывал и ломал.
– Я не в том возрасте, чтобы разорять какие-то секретки, – нахмурился я.

– Да, ты прав: в тринадцать лет в секретники уже не играют... А твоих сверстников в поселке нет?

– Пока не видел.

– Ну ничего, успеешь ещё с кем-нибудь познакомиться. А теперь, сын, пойдем-ка полоть: работы невпроворот!

Мы направились в огород и часа три добросовестно и плодотворно трудились на грядках. День был жарким и душным, но к вечеру тучи, которые висели над башней, разрослись, и грозовое крыло очутилось прямо над нами. Сверкнула молния, прогремел гром, и мы с мамой поспешили укрыться в доме. А дождь уже вовсю колотил по карнизу. Я снял мокрую одежду, закутался в плед и сел на диван.

«Странно, – думал я, – отчим... Как можно жить с отчимом? Мой отец погиб, но потом у мамы никого не было, и нам никто не помогал: она всегда сама справлялась... Ещё у Кати и братик какой-то... Будто у её мамы с отчимом совсем другая семья, с другим ребёнком, а сама Катя что – им уже и не нужна? А Катя, как видно, всех их любит: «Виталька», говорит, «хорошенький такой», «крепыш»... Нет, я бы так не смог. Лучше помогать матери буду, сам всё прополю завтра! Пусть отдыхает... Только отчимов пусть не заводит...».

На следующий день я проснулся поздно – было уже без четверти одиннадцать. Погода стояла пасмурная, снова шёл дождь, и прополка отменилась. Мама вешала лампу в коридоре, а я настраивал телевизор – единственное развлечение во всём доме.

– Мам, тут случайно антенны нигде нет?

– Митя, к тебе пришли! – отозвалась мама.

– Кто? – с удивлением спросил я.

– Катя.

«Она пришла... зачем?», – подумал я и вышел в коридор. Передо мной стояла Катя, вся мокрая от дождя, и загадочно улыбалась.

– Привет, – начала она, – я тут подумала: можно я у тебя во дворе секретик закопаю? Тот, под ивой, уже разорён.

– Давай, – согласился я.

– Спасибо! Я быстро!

Катя выбежала в огород, выкопала там ямку, что-то туда вложила, засыпала землей и вернулась ко мне.

– Всё, готово! Никого сюда не пускай! Если кто из мальчишек и придёт, говори, что меня тут не было.

Она смотрела на меня голубыми, как небо, глазами, обрамлёнными чёрным бархатом густых ресниц; по золотым волосам стекали капли дождя, Катины губы напоминали бутон нераспустившейся розы, а на щеках, чуть ниже скул, горел румянец. Её тоненькие ручки выглядывали из-под старенького серого плаща, который ей был явно велик. Резиновые сапоги были обуты на босу ногу.

Меня вдруг охватило непонятное чувство. Жалость? Сочувствие? Я не знал, что это было, и я совсем не слышал, что она говорит: сердце замерло... Маленький грязный чертёнок прямо у меня на глазах вдруг превратился в прекрасного ангела.

– Договорились? – спросила Катя.

– Да... – кивнул я неуверенно.

Она пожала мне руку и опять убежала.

– Это и есть та Катя, которая секретники делает? – спросила мама.

– Да.

– Что на ней за плащ? Она что – из бедной семьи?

– Наверное, – я пожал плечами.

– Надо будет у тёти Люды спросить, не осталась ли какая одежда от Лизки. Ну что это такое: ребенок ходит во взрослом плаще! На следующих выходных обязательно привезем ей что-нибудь...

И эта мысль меня обрадовала. Но я всё равно целый день ходил сам не свой, будто в тумане: что-то не давало мне покоя...

Вечером мы уехали.

Всю неделю шёл дождь; распогодилось лишь к вечеру пятницы, когда выглянуло солнце. Тетя Люда отдала маме

целый мешок вещей для Кати, мама загрузила его в багажник, и мы отправились на дачу. Всю дорогу я мечтал ещё раз посмотреть в прекрасные Катины глаза и сказать, что её секретик на месте, его никто не разорил, и отдать ей вещи, представляя себе, как она обрадуется. Наконец, мы приехали, я с нетерпением выскочил из машины, забрал вещи из багажника и побежал в деревню, но на полпути я вспомнил о секретике, и решил вернуться, чтобы удостовериться, что с ним всё в порядке. Но, к моему большому сожалению, секретик был разорён: на его месте лежало стеклышко, а рядом – мёртвая бабочка, белые крылышки которой были оторваны и вдавлены в грязь.

«Кто же это сделал? – подумал я, – Вот найду и надеру уши! И так Кате и скажу: пусть знают, что есть кому за неё заступиться!».

Я шёл и искал тот синий дом, где жила Катя, но когда нашёл, то долго стоял у ворот, не решаясь войти. Наконец, я открыл калитку, которая оказалась не запертой, и вошёл во двор. Но во дворе никого не было, а множество детских вещей, развешенных перед входом в дом, мешали зайти внутрь. Вещи пришлось раздвигать руками, чтобы попасть в сени. Но вот и входная дверь; я перевёл дух и уже прикоснулся к ручке двери, чтобы открыть её, как вдруг услышал сначала тихий плач и чьи-то жалобные стоны, а потом и тонкий голосок Кати.

– Дядя Володя, не надо, пожалуйста!

– Последний разик, Катюш, последний разик...

– Ну пожалуйста...

– Я не сделаю тебе больно... обними меня ручками... вот так...

Я хотел приоткрыть дверь, но она оказалась закрытой. Холодный ужас вдруг охватил меня: я словно остолбенел и не мог сдвинуться с места – просто молча стоял у двери и слышал жалобные стоны Кати и чьё-то похотливое дыхание...

Не чуя под собой ног, я выбежал из дома и подкрался к окну; держась за подоконник, я забрался на стену и через небрежно занавешенное стекло увидел мерзкую сцену: огромный мужик склонялся над беспомощной Катей и сжимал её хрупкое тело своими жёлтыми руками...

Слёзы сами собой потекли по моим горящим щекам. Я схватил камень и бросил его в окно; стекло разбилось, и я бросился бежать. Я бежал, сам не зная куда: ужасная картина стояла у меня перед глазами, и мне почему-то совсем не хотелось возвращаться домой.

В себя я пришёл, лишь очутившись возле старой башни. Я забежал в башню, сел на землю и долго рыдал в голос. Мне хотелось порвать это чудовище на куски!

«Вот кто оторвал бабочке крылья! – думал я. – Вот кто втоптал их в грязь! Вот кто закапывает самые страшные секреты! Вот кто срывает ангелов с небес!...».

Когда рыдать не осталось больше сил, и возбуждение сменилось иступлением, я вдруг вспомнил про таинственного обитателя этой башни.

– Где-то, мама говорила, здесь есть красный камень, – произнес я вслух.

– Да... – отозвался мне тихий голосок.

Я резко обернулся и увидел Катю: она стояла напротив меня, спокойная и как-то странно повзрослевшая.

– Вот он, – она взяла мою руку и положила на что-то холодное: это был тот самый камень, о котором говорила мама.

– Загадывай желание, – сказала Катя.

– А ты?

– И я...

И так мы стояли несколько секунд, глядя друг другу в глаза.

Я ничего не смог загадать: в моей жизни больше не было желаний...

– Я сразу выбежала из дома и увидела тебя, – сказала Катя. – Нет, не бойся: отчим тебя не заметил – он побоялся выйти.

– Он – мразь! – крикнул я, не сдержавшись.
– Да, – медленно кивнула Катя.
– И давно... это продолжается? – спросил я осторожно.
Она кивнула опять:
– Да...
– Ты маме говорила?
Катя потупилась и помотала головой:
– Нет, – едва слышно ответила она.
– Почему?!

Катя подняла голову и посмотрела мне прямо в глаза, и взгляд её прекрасных голубых глаз был спокойным и серьёзным.

– А зачем? – спросила она. – Витальку жалко, да и маму: останется опять с ребёнком одна, а помочь ей некому... Но не всё так плохо, ты не переживай: в четверг за мной бабушка приезжает, я с ней в Краснодар уеду.
– Насовсем? – почему-то испугался я.
– Нет, на каникулы буду домой приезжать...
Пауза затянулась ещё на несколько секунд.
– Прости меня, Катя... – выдавил я из себя, почему-то отводя глаза от её лица.
– За что? – удивилась Катя. – Это тебе спасибо: ты меня спас... А стекло отчим новое вставит...
Мы снова замолчали, и это молчание длилось вечность.
– Секретик! – вдруг вспомнил я. – Я же шёл сказать тебе, что его больше нет!
– Лучше пусть то, что сегодня... случилось, будет нашим секретом, – попросила Катя. – И ты, Митя, никогда никому об этом не расскажешь. Ради меня... Хорошо?
– Обещаю! – кивнул я решительно.
– Ты вот что: выходи первый, чтобы отчим ничего не заподозрил, – сказала Катя. – И лучше иди не мимо нашего дома, а по берегу...
Я вышел на берег и быстрым шагом направился к своему дачному домику, где меня уже ждала мама.

– Ты где так долго был? – спросила она строго. – Отдал Кате вещи?.. Митя, да что ты как в воду опущенный? Что случилось?

– Всё в порядке, мам, – ответил я, стараясь не смотреть в мамины глаза, и попросил: – Можно, я побуду один? Пожалуйста...

Мама внимательно посмотрела на меня и молча кивнула.

Я зашёл в дом и закрылся в комнате, чтобы уберечься от её расспросов. Но мама в тот день ни о чём меня больше не спрашивала, хотя и ходила по дому как-то настороженно, и я отчётливо это чувствовал. Было так тихо, что я не мог дать волю эмоциям: меня душили слёзы, но я не плакал – не хотел показывать свои слёзы маме, потому что не мог рассказать ей об их причине. Не имел права. И не хотел...

Я боялся, что мама всё-таки постучит в дверь и опять спросит, что случилось. Но она не постучала...

Я лежал на старом скрипучем диване и смотрел в потолок.

«За что ей это всё? – думал я. – Ей одной – маленькой, хрупкой деревенской девочке, которая почему-то должна нести на своих детских плечиках непосильный груз боли и страданий? Груз чужих ошибок и чьей-то мерзости? За что ей это? За что?!».

Стиснув зубами подушку, я мучился от этих мыслей, но так и не произнёс ни единого звука: это была наша с Катей тайна, и я дал обещание хранить её...

И опять я ехал долго, и снова по той же плохой дороге, а в окне мелькали деревья, фигуры людей, дома... Но вот, наконец, и старое деревенское кладбище. С каждым годом оно становится всё больше, а жителей в деревне – всё меньше... Я оставил свой автомобиль у ворот кладбища и, прежде чем пройти через них, на минуту остановился: там, где человек обретает своё последнее пристанище, можно – и нужно – хотя бы немного подумать о вечном...

Уходит человек из этого мира, а что остаётся после него? Ничего, кроме памяти. Но ведь и память может быть разной: об одном скажут: хороший был человек, а о другом – просто промолчат...

Я всегда старался жить в ладу со своей совестью – так, чтобы мои дети могли мною гордиться. Кажется, у меня это получилось...

Каждый раз, приезжая сюда и обходя могилки, я всегда иду к одной-единственной из них – к той, где со старенькой фотокарточки на покосившемся кресте смотрят на меня голубые глаза девочки, у которой я научился любить, терпеть и сострадать. Несмотря ни на что. И потом учился у неё этому всю свою жизнь...

Бабушка за Катей тогда так и не приехала. А через пять месяцев Катя заболела воспалением легких и умерла.

С тех пор прошло много лет...

– Ну, здравствуй, Катя... Знай, что я помню о тебе всегда, и в самые трудные минуты моей жизни я приезжаю сюда, и ты поддерживаешь меня... Я вижу твоё лицо и понимаю, что всё в жизни проходит: и боль, и страдания... И только любовь остаётся в наших сердцах навечно...

Как всегда, я кладу на могилку букет полевых цветов, потом сажусь в машину и уезжаю. И каждый раз покидая деревню, я вижу тот синий дом, где когда-то, теперь уже давным-давно, жила голубоглазая девочка с чудным и светлым именем Катя.

Нет уже в живых ни матери Кати, ни её отчима. Виталька вырос и покинул этот край. В их старом доме никто не живёт – он давно заброшен, этот дом.

Дом, который когда-то жил жизнью маленькой девочки с большим сердцем.

Дом, где вместо стекла – картонка...

СОДЕРЖАНИЕ

Валерий Павлов. Перелистывая страницы истории	5
ПОЭЗИЯ	
Анатолий Александров. Псков; «Идут по Руси за ворота...»; «Ранним утром город спит...»; «Над нами висит пламенеющий крест...»; Русский апокалипсис; У петербургского моста	8
Владимир Алексеев. В ожидании Патриарха; Два Отечества; Была на мне духовная броня; Не зажигай огня	
Валентина Алексеева. На витке бытия; Мачеха; «Редет строй. Как мало их осталось...»; Страна Карамазовых; Троицкий Собор	
Андрей Бениаминов. Есть в России места; Старый сад; «Нынче писать стихи...»; Сказать подлецу...; Может, сбудется?; «Я ушёл от разборок и склок...»	
Татьяна Гореликова. По заветам отцов; «Встаёт над Россией рассвет бледнолицый...»; Крыпецкий монастырь; «На морозе снежинки колются...»	
Виктор Зверев. Псков; «Я весь, до донышка, пскович...»	
Станислав Золотцев. Словенские ключи; «Белокаменным витязем дремлет...»; «Нас брали штурмом, нас брали измором...»; Гимн города Пскова; Псковщина; «Как багровы стали воды наших рек...»; «Как мало пишется стихов...»; На исходе... ..	
Иван Иванов. «Что будет дальше в нашем мире...»; «Была деревня, был на-строй...»; Утеряна основа	
Николай Иванов. Господи, прости!; Порядка нет; Памятник тысячелетию Руси; Русский	
Иеромонах Роман. «Страх Господень – авва воздержания...»; «Без Бога нация – толпа...»	
Александр Казаков. «Этот город от Ольги до нынешних дней...»; «Тогда ещё ты не звалась Великой...»	
Владимир Костров. «Смуту и безверье не приемли...»	
Валентин Краснопевцев. «Бесконечно бродить я готов...»; Время – бремя; «Терпенье – качество великое!...»; «Добро вышагивало по дороге столбо-вой...»; «Я земле родной не изменю...»; Тля; «За всё надо платить...»; О вечном	
Елена Морозкина. Из истории государства Псковского	
Анатолий Москалинский. Но не сдаётся барабанщик Коля; «Тогда он не спря-тал от смерти лица...»	
Валерий Мухин. Святая Ольга; Солнце взошло; Св. Александру Невскому – солнцу земли русской; Пскову; Славянский дух	
Ирена Панченко. Пскову; «Наш Северо-Запад...»; «Нам никуда от власти не уйти...»; В Изборске; «Выбегала резво на пригорок...»; Наш крестный путь	
Игорь Плохов. Первый крик; Пирамида; Интеллигент	
Вита Пшеничная. Куда идёшь ты, Русь, скажи?..; «От похорон живём до по-хорон...»; «С небосвода упавшие звёзды...»	
Николай Рачков. Изборск	
Вера Романенко. Блаженный Никола Саллос	
Татьяна Рыжова. Рождество в Пскове; У памятника князю-победителю; Над Псковой кружатся облака	

Владимир Савинов. В час особенный у Свято-Троицкого собора; Весна в Изборске; Изборский триптих; К 500-летию присоединения Пскова к Московскому государству; 10-летию подвига 6-й роты; Памяти Саввы Ямщикова; Соскучилось сердце по песне

Владимир Свекольников. О России; Счастье; Христос и Иуда

Вера Сергеева. Родина моя; «Заломили рученьки осины...»; Январь 1815 года; Корни; «В окне – луна. А в комнате – лампадка...»; «Русь моя, тыщекрылая мельница...»

Олеся Соловьёва. На ладонях Руси; Старый Ольгинский мост; Мой город

Тамара Соловьёва. У Вороньего камня; Храни Россию, Псков!; Псковская земля; Осенняя ода дворникам

Олег Тиммерман. Где Пскову быть?

Людмила Тишаева. Башни Изборской крепости; Изборско-Мальская долина; Труворов крест; Кром; Приказные палаты; У стен Псковского кремля; Осень

Нина Ульянова. «Шумят пороги, каменисто дно...»

Ларина Федотова. Где наш род?; Мать-Россия; Исконный дом; Полюнь; Предок и потомок; Ветерану; Он – совесть наша

ПРОЗА

Игорь Изборцев. Тайна России. Эссе

Борис Ильин. Радуга над Днепром. Рассказ

Тамара Карнаухова. Живёт такой художник Очерк

Любовь Никитина. Станет ли Псков русским Авиньоном? Театральные заметки

ГОЛОСА МОЛОДЫХ

От составителя. Острый взгляд и горячее сердце

Галина Дмитриева. «У холма в Изборске ты замри...»; Бородину

Анна Кравчук. Изборску – защитнику земли Псковской

Артемий Трусов. Изборск

Кира Харлашова. Грустная девочка

Сергей Чалов. Трубы на крышах моего города

Сергей Гайдамакин. «Быть здоровым – это модно». Эссе

Леонид Мелехов. Отец обещает. Рассказ

Мария Михайлова. Секретик. Рассказ

По лестнице веков

Сборник произведений псковских писателей

Подписано в печать 00.00.2012 г. Формат 60×90/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 00,00. Тираж 300 экз. Заказ 394.

ООО «Великолукская типография»
182100, Псковская область, г. Великие Луки, ул. Полиграфистов, 78/12
Тел./факс: (811-53) 3-62-95. E-mail: zakaz@veltip.ru